

ВЕСТНИК

центра апологетических
исследований

98/25

Подвизаться за веру, однажды преданную святым (Иуды 3)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТЬ И ХРИСТИАНСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Дуглас Грутайс

Также в этом выпуске:

- **ЧТО НЕ ТАК С АПОЛОГЕТИКОЙ? (с. 6)**
- **«КИТАЙСКАЯ СПАСИТЕЛЬНИЦА» (с. 23)**
- **КРИТИКА УЧЕНИЯ ГУСТАФА АУЛЕНА О CHRISTUS VICTOR (с. 27)**

Наставь меня, Господи, на путь Твой, и буду ходить в истине Твоей; утверди сердце мое в страхе имени Твоего (Псалом 85:11).

Великий американский философ Мэрилин Монро однажды сказала: «Я верю во все по-немногу». Это один из способов совладать с плюрализмом: легкомысленно относиться к интеллектуальным приверженостям и экспериментировать с различными идеями, не останавливаясь на какой-то одной последовательной системе убеждений. Однако этот путь не ведет к интеллектуальной целостности (*integrity*). Как-то раз я прочел высказывание студента одного христианского колледжа, в котором тот оспаривал тезис, будто христиане должны иметь единое христианское мировоззрение. Почему бы не заимствовать идеи из нескольких разных мировоззрений, не ограничиваясь только одним? Такой подход кажется многообещающим и непредвзятым. Но, как сказал Г. К. Честертон, «я непоколебимо убежден, что ум, как и рот, нужно открывать для того, чтобы снова сомневаться его на чем-то твердом»¹.

Прежде чем перейти к разговору об этом искушении, необходимо понять, что такое «целостность». Английское существительное *integrity* всегда употребляется в положительном ключе. Если адвокату присуща целостность (обычно мы говорим «честность»), значит, он добросовестен, грамотен и надежен. Все части его жизни гармонично и добродетельно соглашаются друг с другом. Каркас дома обладает структурной целостностью, если все его основные части прочны, и каждая выполняет свою функцию. Аналогичным образом, слово «интеграция» едва ли означает бессистемное или случайное соединение разрозненных частей, и гораздо чаще описывает два и более элемента, составляющих вместе единое целое.

Например, в систему управления машины можно интегрировать (встроить) компьютер, который возьмет на себя контроль за теми или иными процессами. Различные теологические взгляды тоже можно интегрировать друг в друга, если между ними не возникает противоречий. Например, можно исповедовать реформатское богословие и разделять с харизматами понимание духовных даров. Некоторые реформатские мыслители придерживаются цессационизма (учения о прекращении духовных даров по окончании апостольского периода), однако Вестминстерское исповедание на этом не настаивает². Следовательно, эти две богословские традиции можно объединить без противоречий.

В негативном смысле слово «интеграция» используется лишь в том случае, если объединение было произведено неуместно, неумело или насильственным образом. В подобных ситуациях полученное сочетание не будет обладать функциональным единством. Такую целостность мы называем видимой или поверхностной. Или просто называем попыткой неудачной.

Применительно к разумной деятельности, человек обладает интеллектуальной целостностью, если его убеждения хорошо сформулированы (непротиворечивы), хорошо обоснованы (подкреплены фактами и аргументами), составляют единое целое и способны объяснить окружающую действительность. Люди, обладающие интеллектуальной целостностью, сторонятся несовместимых убеждений; они не боятся приобретать новые знания, которые могут пошатнуть прежние убеждения; и они тщательно осмысливают все, что имеет значение. Примером отрицания интеллектуальной целостности может служить высказывание Уолта Уитмена из стихотворения «Песнь о себе»:

По-твоему, я противоречу себе?
Ну что же, значит, я противоречу себе.
(Я широк, я вмещаю в себе множество разных людей.)

Я уверен, что Уитмен вмещал в себя целую толпу, но, как бы «широк» он ни был, его ширина была интеллектуально ущербной, поскольку противоречащие друг другу суждения не могут одновременно быть истинными — так писал Аристотель³, и из этой же аксиомы исходит Писание, предостерегая нас от ложных учений (1 Тимофею 4:1-3; 1 Иоанна 4:1-4), ложной морали (Римлянам 1:18-32), ложных ангелов (Галатам 1:8), ложных пророков (Второзаконие 13:1-4; Матфея 7:15) и ложных апостолов

(2 Коринфянам 11:1-5). Тем не менее, некоторые с большей охотой смешивают разные мировоззрения, нежели указывают на четкие различия между ними.

Между тем, интеллектуальная целостность приближает нас к действительности путем последовательного ее познания. Поскольку Бог — высшая реальность, нам следует стремиться к правильным представлениям о Его природе, о том, как Он сотворил мир, и о том, как Он существует в мире. И в свете этих истин нам следует с искренним желанием повиноваться Ему, радоваться Его благословениям и познавать Его таким, каким Он открыл нам Себя⁴.

Ошибка студента

Один преподаватель из христианского колледжа написал нам: «Проводя в рамках своего курса оценку христианского мировоззрения, за последние три с лишним года я заметил, что все больше и больше студентов теперь воспринимают свое смешанное мировоззрение как положительный момент». К этому письму он приложил отрывок из эссе одного из студентов, на которое я и буду в дальнейшем опираться.

Студент утверждает, что «все мы можем испытывать влечение к нескольким точкам зрения», и что он может «ощущать близость к нескольким мировоззрениям». Он разделяет мнение релятивистов, согласно которому идея о возможности «познания всемогущей Истины — всего лишь волевое решение», но при этом соглашается с постулатом христианского теизма о всеведении Бога. Пантеизм привлекает его своим тезисом о том, что «истина находится за гранью рационального постижения». Не связывая себя границами одного мировоззрения, он может учитывать представления других людей и «не препятствовать разнообразию мышления и подходов». Он также может «понять контекст их поступков, мыслительных процессов и ценностей».

В плюралистической культуре существует «множество точек зрения» на такие мировоззренческие вопросы, как высшая реальность, положение человека, полноценная жизнь и посмертная участь. Но все это разные мнения о действительности, которая никак не зависит от наших мнений. Как выразился Эйден Тозер в своей классической книге «Стремление к Богу»...

Что я имею в виду, когда говорю «реальность»? Под этим словом я понимаю такую подлинную действительность, которая существует помимо какого бы то ни было представления и какого бы то ни было

разума, способного помышлять о ней, и которая будет существовать и тогда, когда нигде не останется никакого разума, способного помыслить о ней. Эта подлинная реальность существует как вещь в себе. Действительность этой реальности ни в коей мере не зависит от постороннего наблюдателя⁵.

Истинное суждение соответствует действительности, которую описывает. Ложное высказывание не соответствует действительности. Комментарий нашего студента о «всемогущей истине» трудно понять, поскольку однозначное утверждение либо истинно, либо ложно, и «может» здесь ни при чем. Возможно, он не приемлет убеждений, которые нетерпимо относятся к возражениям и используются для противоправного контроля над людьми. Однако релятивизм не делает нашу веру смиренной; он всего лишь называет истиной все, во что мы верим. Как выразился Тозер, релятивисты «любят указать, что во всей вселенной не найти таких координат, которые могли бы служить точками отсчета»⁶. Если релятивизм верен, то любые рассуждения о чистых фактах (истинных и не зависящих от мнения или опыта) неизбежно теряют смысл.

Из христианского теизма студент вынес убеждение, что Бог всеведущ. Но если релятивизм верен, это убеждение не может быть истинным, поскольку претендует на абсолютную истинность, безотносительную к субъективному мнению. Ссылаясь на пантеизм, студент утверждает, что «истина находится за гранью рационального постижения». Пантеизм утверждает, что абсолют (Брахман в индуизме) находится за пределами понятий и языка, и это глубоко ошибочное утверждение, поскольку оно предполагает, что об абсолюте ничего нельзя сказать, поскольку от слов нужно отказаться. Но если это так, сама идея пантеизма (все божественно) утрачивает описательную точность, как и любое утверждение о непознаваемом абсолюте. Хуже того, пантеизм по целому ряду причин несовместим с христианским теизмом. Христианский теизм утверждает, что Бог личностен и абсолютен. Бог — это великий «Я есмь Тот, Кто Я есмь» (Исход 3:14). Кроме того, Бога нельзя отождествлять с творением, поскольку Творец превосходит Свое творение. Тозер прекрасно выразил эту мысль:

Бог обитает в сотворенном Им мире, но между Ним и миром лежит великая, непропадимая пропасть. Такова истина. Как бы мы ни отождествляли Бога с творениями

рук Его, последние всегда останутся иными, нежели Сам Он, и Он должен предшествовать, и предшествует им, и независим от них. Он трансцендентен, запределен в отношении всего сотворенного Им и в то же время имманентен всему, вездесущ⁷.

Библия открывает познаваемую истину о Боге, творении и Божьем плане для мира, но при этом советует нам не переступать границы того, что падшее создание способно познать в земной жизни. В этих пределах познания мы должны терпеливо относиться к существованию множества тайн. Как писал Павел:

О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава вовеки, аминь (Римлянам 11:33-36; см. также Второзаконие 29:29).

Беспокойство нашего студента о пределах рационального постижения и его страх перед притязаниями на «всемогущую Истину» можно унять, если поместить и знание, и незнание в четкие рамки библейского мировоззрения.

Владычество Христа и интеллект

Писание делает акцент на единстве несколькими взаимосвязанными способами. Мы читаем, что есть только один Бог (Второзаконие 6:4), авторитет, откровение и руководство Которого создают сообщество последователей — будь то в ветхозаветные (Второзаконие 7:6) или в новозаветные времена (1 Петра 2:9). Как писал Павел в Послании к ефесянам:

...стараясь сохранять единство духа в союзе мира. Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас (Ефесянам 4:3-6).

Единство истинного Бога влечет за собой единство божественного откровения в Библии, а также единство христианских убеждений, если они должным образом основаны на Писании, здравом мышлении и глубоком благочестии. Оправдывая ложное учение, Павел пишет: «...ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в по-

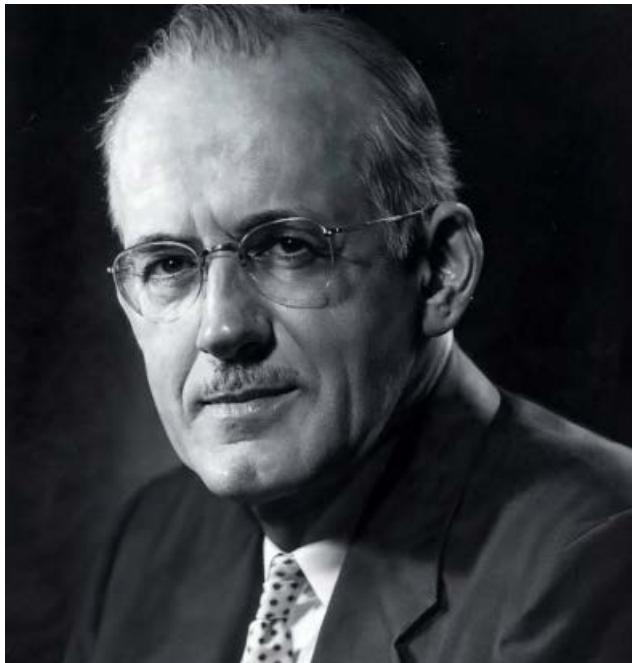
слушание Христу...» (2 Коринфянам 10:4-5). Христос — Слово, Которое все упорядочивает, Которым все сотворено, и Которое удерживает все сущее воедино (Иоанна 1:1-5; Ереям 1:4).

В свете этого факта мы понимаем, что существует христианское мировоззрение или, если воспользоваться немецким термином, *Weltanschauung*. Как выразился Джеймс Опп, это слово означает «самый широкий взгляд на вещи, который разум только способен принять, пытаясь охватить их целиком с точки зрения той или иной конкретной философии или теологии⁸. Христианское мировоззрение (философия и теология) стремится понять мир таким, каков он есть, его фундаментальную природу и направление, в котором он движется:

И если уж говорить об апологетике, то это, несомненно, самая верная и лучшая форма христианской апологии — продемонстрировать, что в христианстве, как нигде больше, органично соединяются разрозненные части истины, встречающиеся во всех других системах, при этом тело истины становится завершенным благодаря открытиям, свойственным одному лишь христианству⁹.

Опираясь на общее откровение и общую благодать, христианство может объяснить все истины, обнаруженные за пределами Библии (Матфея 5:45). Бог — податель всякого благого дара, как интеллектуального, так и иного (Иакова 1:17). Апостол Павел без малейшего затруднения включил в свое выступление в Ареопаге высказывания двух греческих философов, не одобряя при этом их мировоззрение в целом (Деяния 17:28). Принцип *Sola Scriptura* (которого нам следует придерживаться) не означает, что истина есть только в Библии, а означает, что все сказанное в Библии истинно и является мерилом истинности любых других суждений. Сама Библия признает, что знание существует и за ее пределами, — это очевидно из того факта, что древнееврейские пророки осуждали языческие народы за безнравственность, хотя язычникам не было даровано особое откровение (см. Амос 1-2). Они нарушали известные нормы морали. Дж. П. Морланд развивает эту мысль:

Писание неоднократно признает мудрость культур, существовавших за пределами Израиля — например, Египта (Исаия 19:11-13), эдомитян (Иеремия 49:7), финикийцев (Захария 9:2) и многих, многих других. Удивительные достижения человеческой мудрости признаются в книге Иова 28:1-11.

Эйден Тозер

Мудрость Соломона сравнивается с мудростью «людей востока» и жителей Египта в свидетельство того, что он превосходил мудростью народы, пользовавшиеся давней и заслуженной репутацией мудрецов (1 Царств 4:29-34)¹⁰.

Всякая истина восходит к Богу истины. «Он твердыня; совершенны дела Его, и все пути Его праведны; Бог верен, и нет неправды в Нем; Он праведен и истинен» (Второзаконие 32:4). Он тот, кто делает познание возможным посредством Слова (Логос) через общее и специальное откровение (Псалом 18:2-5; Иоанна 1:1-5; Римлянам 1:18-21; 2:14-15)¹¹. Поэтому, если христианство истинно, незачем смешивать или объединять его с каким-либо другим мировоззрением. Дело в том, что христианство обладает уникальным содержанием, которое не встречается ни в одном другом мировоззрении (например, учения о Троице, первородном грехе, воплощении, а также Евангелие) и понятийным аппаратом, которые позволяют признавать крупицы истины, присутствующие в других мировоззрениях, без ущерба для его собственного вероучения. Да, частные истины можно найти и в других мировоззрениях и религиях, однако истинность христианского мировоззрения всеобъемлюща, нет ничего существенного, что отсутствовало бы в нем¹².

Единая истина и единое мировоззрение

Несмотря на искушение держаться эклектичного мировоззрения, составленного из несочетаемых элементов, в библейском открове-

нии можно найти единое и полное глубокого смысла мировоззрение. В рамках библейских истин мы можем благоденствовать как человеческие существа, примирившиеся с Богом через Христа и нашедшие свое предназначение в любви к Богу и ближним (Матфея 22:37-40). Фрэнсис Шеффер (1912-1984), который в последней половине XX века приложил много сил, чтобы побудить христиан сформировать библейский взгляд на вещи, заслуживает того, чтобы оставить последнее слово за ним:

Христос владычествует над всем сущим, над всеми аспектами жизни. Бесполезно называть Его Альфой и Омегой, Началом и Концом, Господом всего сущего, если Он не властвует над всей моей интеллектуальной жизнью. Я ошибаюсь или говорю неправду, если, воспевая владычество Христа, пытаюсь сохранить за собой контроль над какими-то областями собственной жизни¹³.

Примечания

1. Автобиография Г. К. Честертона.
2. Это моя богословская позиция. Ее разделяет, например, Сэм Стормз, см. Storms, Sam. *Practicing the Power* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2017).
3. См. Groothuis, Douglas. *Philosophy in Seven Sentences* (Downers Grove, IL: InterVarsity Academic, 2016), pp. 51-63.
4. См. Schaeffer, Francis. *The Importance of Truth // The God Who Is There* (Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2020).
5. Tozer, A. W. *The Pursuit of God* (Aneko Press, 2015).
6. Там же.
7. Там же.
8. Orr, James. *Christian View of God and the World* (NY: Charles Scribner's Sons, 1907).
9. Там же.
10. Moreland, J. P. *Love Your God with All Your Mind: The Role of Reason in the Life of the Soul* (Navpress Pub Group, 1997).
11. Tozer.
12. См. Netland, Harold. *On the Idea of Christianity as the One True Religion // Christianity and Religious Diversity* (Grand Rapids, MI: Baker Books, 2015); Groothuis, Douglas. *World Religions in Seven Sentences* (Downers Grove, IL: InterVarsity Academic, 2023).
13. Schaeffer, Francis A. *Escape from Reason: A Penetrating Analysis of Trends in Modern Thought* (IVP, 2006).

Оригинал статьи опубликован в бюллетене *The Worldview Bulletin* (worldviewbulletin.substack.com), который выпускает группа известных христианских апологетов и философов. Все права принадлежат автору.

ЧТО НЕ ТАК С АПОЛОГЕТИКОЙ?

Д-р Джейф Маллинсон

В некоторых кругах слово «апологетика» считается неприличным. Другие думают, будто апологетика — исключительно негативное занятие. Иначе говоря, она только запутывает оппонентов и обличает их интеллектуальную несостоятельность, отказываясь при этом называть причины, по которым следует исповедовать христианство. Даже в моей собственной конфессии, в лютеранстве, можно встретить разное отношение к апологетике. В этой статье я хочу поразмышлять о некоторых причинах отрицательного к ней отношения. Вот они:

- **ЛОЖНОЕ СМИРЕНИЕ.** Некоторые беспокоятся, что мудрёные аргументы в защиту веры сделают нас надменными и склонят к богословскому арминианству, в результате чего мы начнем считать основанием веры исключительно разум и свободную волю конкретного верующего.
- **КОМПРОМИСС БАРТА.** После появления неортодоксального богословия Карла Барта (1886-1968) некоторые христиане попытались отгородиться от мира и создать защищенное интеллектуальное пространство, радикально отличающееся от других областей знания. Бартиане неспособны публично выступить с аргументами в защиту веры, но стремятся создать пространство мышления, недоступное для нападок неверующих философов, историков и ученых. Их невозможно опровергнуть, но и они не могут доказать свою правоту.
- **АНТИИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ.** Некоторым людям просто не по вкусу академические дискуссии. По их мнению, вера имеет чисто эмоциональную природу, и интеллектуальные соображения здесь не при чем. Факты их не интересуют, они сосредоточены на ощущениях.

Д-р Джейф Маллинсон

- **СТЫД,** вызванный примитивными шаблонными доводами. Некоторые христиане, более склонные к интеллектуальным поискам, с удовольствием убрали бы подальше от глаз широкой публики некоторых пользующихся популярностью апологетов, потому что используемые теми поверхностные, неграмотные и примитивные аргументы создают впечатление, будто христианство стоит на зыбком (а то и псевдонаучном) основании. Некоторым кажется, что лучше вообще отказаться от дискуссий, чем оказаться в одной компании с такими поборниками истины.
- **НЕУМЕНИЕ** видеть разницу между диктатором разума и его вспомогательной функцией. Классики протестантского богословия в XVI-XVII веках отчетливо и тонко понимали, где проходит граница. Они отвергали диктат разума, претендующего на право судить о таких тайнах веры, как Вечеря Господня, воскресение и рождение от девы. Однако

они ценили вспомогательную функцию разума, благодаря которой можно было определить, уместно ли включать тот или иной текст в канон Священного Писания, и что канонические тексты говорят о таких важных вещах, как божественность Христа. Когда этим различием пренебрегают, многие христиане пытаются напрочь отказаться от использования рассудка, полагая, что он порождает ереси и создает интеллектуальных идолов.

- **СТРАХ.** Это меня тревожит больше всего. Мне кажется, что по крайней мере некоторые христиане недолюбливают апологетику из опасения, что вера, в которой они находят утешение, может оказаться не истинной. Они выбирают жизнь, позволяющую не бояться того, что какие-нибудь новые факты и свидетельства опровергнут их убеждения. Однако при этом они теряют способность объяснить другим людям, почему тем следует согласиться с их убеждениями.
- **КСЕНОФОБИЯ.** Некоторым людям попросту неуютно общаться с теми, кто придерживается иных взглядов. Правильная апологетика означает, что ты должен хорошо понимать точку зрения оппонента, а это может оказаться психологически трудной задачей. Такие люди лучше будут проповедовать обращенным, чем пригласят на богослужения неумытых язычников.
- **ВЕЖЛИВЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ.** Некоторые люди находят апологетику слишком агрессивной в интеллектуальном смысле. Они не хотят показаться ханжами и думают, что считать свою точку зрения лучшим возможным объяснением фактов невежливо по отношению к тем, кто думает иначе.

Конечно, я не хочу сказать, что люди возражают против апологетики только по этим причинам. Я вовсе не хочу изобразить их отношение в карикатурном виде. Я всего лишь размышляю о возможных причинах такого неприязненного отношения к апологетике. Однако сам факт того, что какой-то христианин отрицает необходимость апологетики, крайне беспокоит меня с учетом сказанного в 1 Петра 3:15: «Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением».

Ложное смирение

Некоторые противники апологетики исходят из ложных представлений о смирении, которые сильно отличаются от должных представлений о смирении, основанных на понимании природы спасения, которое было присуще реформаторам.

На евангелическом ландшафте Северной Америки, где сплошь и рядом принято подчеркивать важность личного решения следовать за Иисусом (как будто оно служит основанием для Божьего благорасположения к человеку), особняком выделяются лютеране и реформаты, настаивающие на том, что основанием для оправдания в глазах Бога может быть исключительно искупление Христово, совершенное 2000 лет назад. Таким образом, христиане-наследники Реформации исповедуют монергизм, в соответствии с которым ответственность за спасение лежит только на одной личности (в данном случае на Боге). Они отвергают любой намек на синергию, т. е. на небиблейскую идею о том, что для спасения нужно сотрудничество двух и более участников. Арминианство — наиболее распространенный в американском евангелическом сообществе вариант синергизма. Монергисты настаивают на том, что Бог не встречает нас на полпути, что люди не находят Его благодаря собственным эмоциональным или интеллектуальным усилиям. Соответственно, мы не можем «спастись» других или обратить их, используя придуманные нами хитрые методики, будь то маркетинговые приемы или изощренные философские доводы. С точки зрения монергистов, люди духовно мертвы — точно так же, как Лазарь был мертв физически, пока Иисус не повелел ему выйти из гроба. Монергисты убеждены, что без Господнего призыва мы в полном смысле слова воняем — так же, как дурно пахло разлагающееся тело Лазаря.

С учетом всего сказанного, может быть, нам следует просто цитировать живущим рядом с нами «Лазарем» текст Иоанна 3:16 и забыть обо всех интеллектуальных проблемах? Разве апологетические аргументы не убедительны в первую очередь для тех, кто уже уверовал? Все это хорошие вопросы. Однако ответ на каждый из них — решительное «нет». И я убежден, что отрицательный ответ вполне подходит не только для лютеран, но и для реформатов, хотя они нередко думают, что кальвинистский вариант учения о предызбрании подразумевает прямое воздействие Святого Духа на сердца и умы неверующих, не опосредованное апологетическими аргументами.

Давайте усложним задачу до предела и посмотрим, как относился к апологетике не кто-нибудь из моих единоверцев-лютеран, а *über*-кальвинист Теодор Беза. Нередко мы, лютеране, оцениваем заслуги Жана Кальвина выше, чем труды Безы — главного сподвижника женевского реформатора и первого ректора Женевской академии. Но когда дело доходит до конкретной богословской задачи, именуемой апологетикой, Беза заслуживает оценки «отлично». (Неустрашимые богословы найдут более полное рассмотрение этого вопроса в моей книге *Faith, Reason, and Revelation in Theodore Beza [1519-1605]* [Oxford University Press, 2003]. Среднему обывателю мое сочинение, вероятно, покажется слишком академическим и нудным, однако в нем есть немало полезного — в особенности для тех сторонников реформатской традиции, которые думают, будто эвиденциальная апологетика для них под запретом). Я часто вспоминаю Безу в беседах о духовном смирении, потому что уж этого супралапсариэнина и поборника предопределения точно никто не посмеет обвинить в синергизме!

Сам Кальвин не видел особой пользы в апологетике. Вот как он объяснял свое отношение:

Будучи же просвещены Духом, мы уже не полагаемся на свое суждение и на суждение других людей, что Писание исходит от Бога, но, помимо всякого человеческого мнения, обретаем несомненную уверенность, что оно изошло из уст самого Бога при посредничестве людей, и как бы зримо созерцаем его божественную сущность. Мы уже не ищем правдоподобных доводов, способных убедить наш разум, но подчиняем свои мыслительные способности Истине Писания как чему-то более возвышенному, что не нуждается в подтверждении людей (Наставление в христианской вере I:7:5).

Ведущие реформатские богословы и философы — пресуппозиционалисты, последователи Корнелиуса Ван Тила (1895-1987), а также приверженцы неоортодоксии, почитатели Карла Барта (1886-1968) и поборники реформатской эпистемологии Алвина Плантигги (род. 1932) — солидарны с Кальвином в негативной оценке значимости позитивных доказательств для веры в Писание. Они признают пользу «негативной апологетики», т. е. демонстрации несостоятельности нехристианских мировоззрений (Ван Тил), право христиан пользоваться в богословской среде своим собственным исконным догматическим языком (Барт) или интеллектуальную состоятель-

ность непосредственного восприятия факта существования Бога — иначе говоря, «подлинно базовой» убежденности в этом (Плантигги). Однако они полагают, что накопление эмпирических доказательств в лучшем случае бесполезно с точки зрения веры в историческую надежность Библии, а в худшем представляет собой проявление духовной гордыни.

Между тем, подобный образ мысли игнорирует учение о призвании и идею о том, что Бог пользуется земными средствами, которые занимают важное место в сочинениях Лютера. К счастью, Беза достаточно много читал Лютера и правильно понимал как природу веры, так и роль внутреннего свидетельства Святого Духа (*testimonium internum Spiritus Sancti*). Что касается призыва, у каждого христианина есть несколько уникальных призываний, посредством которых он служит Богу, служа ближним. Это означает, что одни верующие занимаются исключительно благовестием и практически не участвуют в интеллектуальных спорах, а другие выступают в ничуть не менее важной роли интеллектуальных миссионеров. Если традиционный миссионер изучает культуру того или иного народа, чтобы перевести евангелие на его язык и преодолеть препятствия, которые эта культура создает для веры, то интеллектуальный миссионер изучает язык современной философии и борется с интеллектуальными препятствиями для веры. Апологеты-эвиденциалисты как интеллектуальные миссионеры могут стать инструментом, посредством которого люди приходят к вере. Павел в Римлянам 10:17 говорит, что вера от слышания, поэтому апологет — ничуть не меньший благовестник, чем тот, кто проповедует библейское Евангелие, не утруждая себя объяснениями, почему Библии нужно доверять.

Так как же быть с монергическим возражением Кальвина? Беза полагает, что только Бог открывает наши глаза на истину о Нем, которая находится прямо перед нашим носом, однако для этого Он использует — как понимал Лютер — определенные средства. В своем трактате *Questioninum et Responsionum* (Geneva, 1570) Беза пишет:

- Q. Откуда ты знаешь (что Писание от Бога)?
 A. Из тех самых вопросов, которые рассматриваются в этих писаниях; из величия Бога, которое проглядывает в самих словах; из небесной чистоты и высочайшей святости, которые исходят от них с начала до конца; из несомненной однородности принципов, на которые опирается это учение; и из сравнения предсказаний с их исполнением. Всего этого более чем

Теодор Беза

достаточно, чтобы доказать — даже тем кто всеми силами противится этой мысли, — что эти писания имеют божественную и небесную природу. Такое заключение подкрепляется самим ходом истории и свидетельством, которое мы восприняли из рук благочестивых мужей (*Tractionum Theologicarum* I:669).

Иначе говоря, мы называем Писание само-подтверждающим (автопистом) не потому, что признаем его Божьим Словом, создавая тем самым порочный круг в рассуждениях, а потому, что не нуждаемся в авторитете церкви, чтобы признать его божественным откровением. Оно приходит к нам со своими внутренними признаками аутентичности, но в нем также присутствуют указания на его достоверность. В других сочинениях Беза даже перечисляет несколько аргументов, связанных с исторической надежностью истории воскресения. Почему это не делает Безу синергистом? Все просто: человек не может должным образом откликнуться на эти ясные исторические и текстуальные свидетельства без участия Святого Духа. Беза поясняет свою мысль так:

Однако причину, по которой я убежден в истинности этих свидетельств — настолько, что полностью принимаю то, что одни

привычно презирают и высмеивают, и во что другие, по их собственным словам, верят сами, но в чем никак не разбираются, — я вижу исключительно в Святом Духе, который открыл мое сердце, чтобы я увидел и осознал сокрытое в моем слухе и в моем разуме (там же).

Мы благодарим Бога за животворный труд, который Он совершает в нашем мертвом уме. Этот труд позволяет нам отчетливо увидеть Бога, Который одновременно скрыт от нас и находится прямо перед нами. Во всех этих рассуждениях Безы находит отражение классическое представление о трех частях знания и трех частях веры. По его словам, вера включает в себя три составляющих:

- понимание фактов (*cognoscendum*);
- согласие с христианским толкованием этих фактов (*probandum*);
- доверие христианскому толкованию фактов, то есть его конкретное применение (*particulariter applicandum*) (*Apologia pro iustificatione // Tractionum Theologicarum* II:134).

Христианская вера не подразумевает необходимость выдавать желаемое за действительное или верить в нелепости. Она включает в себя знание, согласие и доверие. Первому уровню, знанию содержания христианства, можно научить любого человека. Иногда для этого достаточно дать ему книгу об основных контурах христианского вероучения. На этом этапе разговор может носить несколько отвлеченный и объективный характер. Второй уровень, согласие с христианским толкованием фактов, требует эвиденциальной апологетики. Даже если кто-то по субъективным причинам сознательно закрывает глаза на доказательства, этот шаг предполагает сочетание субъективных и объективных процессов, идущих в разуме. Как следует из Иакова 2:19, даже бесы могут здешний так далеко. Однако третий и последний уровень, доверие, требует от нас субъективности и невозможен без действия Святого Духа. Здесь мы уже не просто верим, что учение о Христе истинно с исторической точки зрения. Мы верим, что оно истинно лично для нас, мы полагаемся на это объективное действие Христа, чтобы оправдаться перед Богом.

Следовательно, апологетика сама по себе не способна сделать человека верующим. Однако она может стать одним из нескольких важных средств, с помощью которых Бог призывает нас из смерти в жизнь.

Другой реформатский мыслитель, Вольфганг Мускулюс (1497-1563), так описывает три части веры:

- мы верим во что-то о Боге (*Deo quaedam credimus*);
- мы верим Богу (*credimus etiam Deo*);
- мы верим в Бога (*credimus in Deum*) (*Loci communes sacrae theologiae* [Geneva, 1573], 23:2].

Апологетические методы не гарантируют 100-процентную вероятность того, что ваш собеседник уверует в Бога. Результат зависит от действия Святого Духа. Однако апологетика, по крайней мере, может показать человеку серьезные причины для веры в то, что Бог воскресил Своего Сына из мертвых. Станет ли кто-то из-за греха упрямо закрывать глаза на эти убедительные факты? Несомненно. Но это не означает, что мы можем поддаться лени и обделить фактами того, кто возьмется их исследовать. Нельзя скрыть евангелическую леность под маской смирения. Нам верующим не следует пренебрегать своим долгом делиться с другими людьми благой вестью о том, что одна историческая личность вышла живой из могилы. Вступая в откровенные беседы с окружающими нас страждущими людьми, мы обнаружим, что некоторые из них хотели бы узнать, почему мы верим в историчность столь невероятного события. Если мы не готовы объяснить это ближним, которые хотят понять, как мы пришли к вере, может быть мы слишком гордимся собственными достижениями?

Возможно, вам показалось, что я только что назвал вас ленивыми, гордыми или бесполковыми. Поэтому позвольте мне закончить цитатой из Послания к евреям: «Впрочем, о вас, возлюбленные, мы надеемся, что вы в лучшем состоянии и держитесь спасения, хотя и говорим так».

Компромисс Барта

Современным христианам трудно понять, какое глубокое влияние богослов Карл Барт (1886-1968) оказал на христианскую мысль XX столетия. Как известно, в своей рецензии на комментарий Барта к Посланию римлянам Карл Адамс написал, что эта книга — бомба, сброшенная на песочницу либерального европейского богословия. Благодаря идеям Барта возникло движение, известное как «неоортодоксия», а иногда именуемое диалектическим богословием, богословием кризиса или просто бартианством. Барт призвал богословов пре-

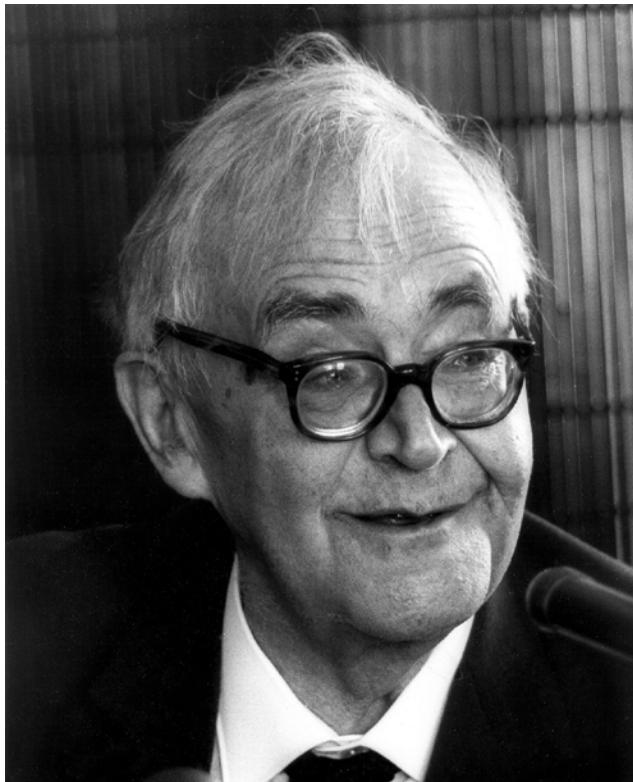

Вольфганг Мускулюс

кратить пародировать светское мышление и начать говорить как богословы.

Европейские богословы считали Барта своего рода фундаменталистом, поскольку он игнорировал существенный прогресс, достигнутый богословием со времен Реформации. Между тем, в евангелической Америке его учение зачастую считали шагом в сторону либерализма. Дело в том, что Барт, с одной стороны, говорил как относительно консервативный христианин, но, с другой стороны, он не возражал против модернистской библейской критики. Это означало, что в Америке его идеи позволяли семинарским и университетским преподавателям богословия и библеистики хранить верность исповеданиям веры своих учебных заведений и церквей, но при этом пользоваться новыми методами и теориями, которых придерживались либеральные и нехристианские богословы.

Со временем трезвомыслящие консервативные богословы стали подозревать, что многие преподаватели-неоортодоксы — на самом деле замаскированные либералы. Да, они умеют на своих лекциях играть в евангелические языковые игры, но также легко находят общий язык с либеральными коллегами, обсуждая библейские тексты на профессиональных конференциях. Это можно было сказать не обо всех — конечно, некоторые полностью и однозначно переходили на богословские позиции неоортодоксии. Некоторые выходцы из либерального движения тоже видели в идеях

Карл Барт

Барта возможность вернуться к христианской верности.

Как бы то ни было, неоортодоксия предложила многим американским христианам своего рода интеллектуальный компромисс. В профессиональной среде над ними больше не будут смеяться из-за их убеждений, а на работе им не будут докучать охотники за ересями. Однако в результате пострадала апологетика. Почему? Потому что задачи апологетики шли вразрез с бартианским компромиссом.

Неоортодоксия позволила богословам отстаивать свое право заниматься в публичном пространстве тем, что они считают правильным, однако эта свобода сохранялась лишь за забором их богословской «резервации». Им было позволено богословски рассуждать в стенах церкви, но запрещено проповедовать учение этой церкви так, словно оно истинно для всего человечества. Компромисс создал относительно комфортную для всех ситуацию. Но богословы постепенно превращались в сообщество эксцентричных чудаков.

Не следует забывать, что в Америке всегда существовали несколько самобытных религиозных течений — их никто не трогал, но и они, в свою очередь, в целом не влияли на жизнь американцев. Например, американцам нравится, что амиши живут своей жизнью. Идея заставить их пользоваться сотовыми телефонами и электронными сигаретами кажется непристойной. Но при этом мало кто считает нужным всерьез относиться к убеждениям амишей. Мы

позволяем им жить в своих первобытных поселениях и разглядываем, словно редких птиц в заповеднике.

Точно также многие американцы не прочь послушать истории о сотворении мира, которые рассказывают индейцы в местных культурных центрах. Но большинство не считает нужным всерьез рассматривать космологическое содержание подобных историй. Мы рады, что кто-то еще помнит все эти предания по прошествии стольких поколений. Но мы считаем их ненаучными и не придаем им никакого значения. Главное не говорить об этом громко и открыто.

Нет, американцы знают, что все традиции следуют уважать, хотя бы и с оттенком снисходительности. Однако позволять, чтобы Писание толковали светским образом, не согласуя эти толкования с учением церкви, никоим образом не гарантирует территории богословия неприкасновенность. Это всего лишь позволяет богословию существовать, оставаясь при этом абсолютно неактуальным.

Да, объект христианской веры — личность Христа, а не эпистемология (теория, объясняющая, откуда нам известно то, что нам известно), однако у бартианской эпистемологии есть опасные побочные эффекты. Для того, чтобы проиллюстрировать суть проблемы, позвольте рассказать вам притчу о вымышленном городе под названием Карлтон.

История американского города Карлтона

Несколько лет назад в Америке появился город, который представлял собой 25 квадратных километров земли, застроенных уютными жилыми домами. (Если вы живете в Европе, и начало истории кажется вам искусственным, важно пояснить, как обстоят дела в старых добрых Соединенных Штатах: иногда нам надоедает «разнообразие» городских кварталов, или у нас появляются лишние деньги, и тогда мы строим новые, девственно-чистые маленькие городки с искусственными озерами.) В первый год все шло хорошо, и множество счастливых семей в сопровождении грузовиков, нагруженных мебелью, прибывали к порогам своих новохоньких однотипных домов.

Но вскоре в отношениях между горожанами возникла некоторая неловкость: христиане заняли все общественные пространства. Они постоянно пользовались городским амфитеатром для проведения концертов, лекций и праздников. Это раздражало уличных музыкантов, организато-

ров рынка фермерской продукции, участников фестиваля ретро-автомобилей, для чьих мероприятий в расписании не оставалось времени.

И в один прекрасный день все пять ассоциаций владельцев недвижимости в Карлтоне проголосовали за то, чтобы запретить христианам владеть домами на их территории. Христиане могут посещать мероприятия, проводимые в общественных пространствах, но не могут владеть недвижимостью.

Кстати говоря, некоторые члены ассоциаций заявили, что вполне могут обойтись без странных предрассудков и склонности, присущих христианам. (Если вы живете в Европе, возможно, вам интересно, почему герои этой истории игнорируют право на свободу вероисповедания, гарантированное американской конституцией. Дело в том, что ассоциации владельцев недвижимости напоминают микроскопические фашистские государства. Власти штата обычно позволяют им неограниченно пользоваться своими жалкими правами, покуда они не устраивают масштабные акции и не вооружают свои добровольные народные дружины. Если бы требования конституции США распространялись на ассоциации владельцев недвижимости, наверное, отделка моего последнего дома была бы не бежевого, а красного цвета.)

Так или иначе, христиане не хотели уезжать из только что купленных домов. Они созвали общее собрание в мэрии и представили план, который позволит всем обитателям Карлтона жить мирно и счастливо. Они обещали ограничить свою христианскую деятельность одним районом города площадью в 2,5 квадратных километра, в котором хотели создать собственную ассоциацию владельцев недвижимости.

Как и другие домовладельцы, они обещали бороться с масляными пятнами на асфальте и не позволять подросткам играть в тупиках в баскетбол. Христиане планировали построить в своем районе собственные школы, книжные магазины и церкви и обслуживать их. Более того, они торжественно поклялись, что на остальных 22,5 квадратных километрах территории Карлтона не скажут ни слова о религии и не будут приставать к людям с нравоучениями.

Прошло десять лет, и все, казалось, было хорошо. Не идеально. Отношения были утомительно, монотонно, уныло вежливыми. Люди были приветливы, но никто не заводил более содержательных разговоров, чем обсуждение того, пойдет ли дождь в ближайшее воскресенье, когда должен состояться автомобильный парад.

Но в один прекрасный день некая целеустремленная молодая христианка, которой

только что исполнился 21 год (возраст совершеннолетия в США), решила покинуть родительский дом и переселиться куда-нибудь поближе к популярным местам развлечений. Всем, кто задавал вопросы, она говорила, что не откажется от веры и даже, возможно, будет рассказывать о них другим, если представится удобный случай. Тогда христианская и все нехристианские ассоциации собственников недвижимости собирались на совещание и приняли решение купить молодой женщине автобусный билет в один конец до штата Род-Айленд.

Конец истории.

Это вовсе не аллегорический пересказ истории зарождения неоортодоксии. Предположить подобное было бы неправильно и отдавало бы недоброжелательством. И сам Карл Барт, и родственные ему души выступали против безнравственных богословов. В этом смысле они не были безучастны. Они были противниками Гитлера и нацистских богословов.

Нет, эта аллегория иллюстрирует, к чему мы приDEM, если согласимся на компромисс. Все стороны, возможно, решат, что четкие границы на карте гарантируют мирное сосуществование. Но это не человеческая жизнь. Она создаст проблемы для обеих сторон. С одной стороны, она позволит христианскому району превратиться в интеллектуальное гетто, а с другой, сделает невозможным содержательное общение с остальными 9/10 жителей города.

В Карлтоне христианам можно ходить по любым улицам и заходить в любые магазины, если только они делают вид, что находятся на нейтральной территории. В пределах своего района они могут разговаривать, как христиане, но в других кварталах должны вести себя, как мирские люди. Хуже всего то, что человек, который дерзнет в общественном месте излагать некие богословские идеи так, словно они истинны, навлечет на себя недовольство как христиан, так и нехристиан.

Почему бартианам так не нравится апологетика? Она вновь предлагает поговорить на тему, которая, как хотелось бы надеяться многим жителям Запада, осталась в далеком прошлом: о том, что христианство истинно не только в глазах маленького замкнутого христианского сообщества, а истинно для всех. Для всего мира.

Мне кажется, что верующие, которых подобная мысль пугает, цинично признаются себе в том, что в их представлении Иисус — нечто вроде Санта-Клауса для взрослых, что они с радостью делают вид, будто верят в Его суще-

ствование, когда действительность становится пугающей, но не видят никаких причин идти и докучать другим, призывая их воспользоваться этим конкретным способом самоуспокоения.

В чем Барт был прав?

Но почему Барт отвергал апологетику? Потому, что не доверял естественному богословию. У этого термина есть несколько возможных определений, но для наших целей будем считать, что естественное богословие — попытка узнать что-либо о Боге с помощью одного лишь рассудка или эмпирических наблюдений, без откровения свыше.

Барт окинул взглядом либеральную Европу и понял, что сторонникам богословского либерализма нечего предложить людям, пострадавшим во время Первой мировой войны, и что они слишком бесхребетны, чтобы противостоять нацификации церкви, происходившей в 1930-х годах. Более того, либеральное богословие, пытаясь познать Бога через природу, в отрыве от христологии, оказалось не в состоянии вступить в идеологическую борьбу с гитлеровскими волками в овечьих облачениях. Такое богословие ему было не нужно.

И нам тоже. Да, в естественном богословии есть течение, которое обогащает христианскую веру и взаимодействует с ней, но сейчас речь не о нем. Важно другое: Барт правильно понял, что богословие без Христа приносит чудовищные плоды. Но, к сожалению, он не осознал, что аргументы в пользу исторической достоверности воскресения Христова приводят нас на совершенной иной путь, нежели теистические доказательства существования Бога.

Барт верил в абсолютно трансцендентного Бога. Иначе говоря, он считал, что Бог очень сильно отличается от нас, людей. Отличается настолько, что между нами и Богом невозможны даже аналогии. Соответственно, Барт отвергал так называемую аналогию бытия Фомы Аквинского.

Однако у нас так или иначе нет времени копаться в этом философском теизме. Может быть, эта идея философски состоятельна, а может быть и нет. Но если она состоятельна, она всего лишь порождает монструозного творца, который остается непознаваемым и очень похож на сатану, если принять во внимание все страдания, имеющие место в мире.

Нет, мы согласны с Бартом в том, что (1) протестантский либерализм — пустая трата времени, (2) естественное богословие в отрыве от Христа и откровения никуда нас не приведет, и (3) нацисты были нехорошими людьми.

Однако перемирие, которое заключили многие последователи Барта, согласившись выделить в огромном светском мире маленький огороженный уголок для священного учения, — это компромисс, который мы не можем принять с чистой совестью.

Если христианское откровение не истинно в каком-либо реальном смысле, давайте посвятим воскресные утра велосипедным прогулкам или будем просто отсыпаться после субботних загулов. Если же содержание христианской веры истинно, на нас лежит обязанность говорить об этом, даже в публичном пространстве.

Антиинтеллектуализм

Доводилось ли вам иметь дело с человеком, который начинал заметно нервничать, когда беседа становилась «чересчур заумной»? В моем мире это происходит сплошь и рядом. Люди чувствуют себя неуютно, сталкиваясь со сложными аргументами, и зачастую пытаются избавиться от беспокойства, отмахиваясь от интеллектуальных рассуждений как слишком абстрактных, не имеющих отношения к реальной жизни. Особенно часто это происходит, когда возникает спор на религиозную тему. По этой же причине люди часто возражают против апологетики, считая ее слишком «заумной» и взамен опираясь на веру, не зависящую от доказательств.

Такой антиинтеллектуальный подход к религиозному знанию, основанный на отказе принимать во внимание рациональные или эмпирические доказательства, называется фидеизмом. Фидеисты бывают как либералами, так и консерваторами. Первые могут увидеть Бога в красоте радуги. Последние могут услышать Бога в третьем куплете воодушевляющего хвалебного гимна. В обоих случаях фидеисты радуются мистическим, религиозным соприкосновениям с божественным, но негативно реагируют на попытки выстроить когнитивную апологию религиозных убеждений.

Однако антиинтеллектуализм мгновенно испаряется, когда речь заходит о теме, которая для нас по-настоящему важна. Даже не могу сосчитать, как много раз люди, пренебрежительно отзывавшиеся об академическом сленге, при возникновении одного из трех обстоятельств переходили на еще более возвышенный и сложный язык, чем я сам.

Угроза жизни

Первое обстоятельство, при возникновении которого в целом антиинтеллектуальный человек обращается к глубоко интеллектуаль-

ным ресурсам, — новость о том, что у него обнаружена потенциально смертельная болезнь. Ничто так не побуждает нас читать серьезные медицинские издания, консультироваться с многочисленными специалистами и исследовать экспериментальные методы лечения, как удручающий диагноз, поставленный врачом. Почему? Потому что от вопросов, которые мы задаем в такой ситуации, зависит наша жизнь.

Судя по всему, антиинтеллектуализм по отношению к вере проистекает из внутренней убежденности, что религиозные вопросы, скорее, интересны, нежели насущны. Тем не менее, мы должны заботиться о своем духовном благополучии не меньше, чем мы должны беспокоиться о здоровье духовном. Таким образом, нам нужно пользоваться навыками критического мышления и рассудительности, чтобы не гнаться за различными религиозными пустышками, в изобилии представленными на рынке, и отыскать действенные, хорошие лекарства.

Достижения современной химии

Второе обстоятельство, при возникновении которого в целом антиинтеллектуальный человек обращается к научными источникам, — стремление пережить состояние измененного сознания. Я не однажды встречал старых знакомых, которые в средней школе перебивались с двойки на тройку, изучая предметы естественнонаучного цикла, но впоследствии защитили магистерские диссертации по ботанике лишь для того, чтобы вырастить особо ядреный сорт каннабиса. Аналогичным образом я встречал старых знакомых, которые в свое время с большим трудом освоили химию, но отлично знают, как превратить обычное чистящее средство в наркотическое вещество. Рассуждая о своих незаконных занятиях, они похожи на кандидатов наук.

Что же побудило их использовать сложную терминологию и освоить сложные инструменты? Им что-то было нужно. Очень сильно. Они отчаянно нуждались в лекарстве или в деньгах, которые с его помощью можно заработать. А удовлетворить эту потребность можно было лишь с помощью интеллектуальных методов.

Финансовая подушка безопасности

Третья ситуация, в которой в остальном антиинтеллектуально настроенный человек начинает исследовать сложные вопросы, — когда речь идет о вложении большой суммы денег. Когда на чашу весов ложится благополучная жизнь на пенсии, студенты, которые получали

двойки и тройки по экономике, начинают неожиданно бойко говорить на языке финансов, торговли акциями и управления взаимными фондами. Даже если человек полагается на опыт финансового консультанта, он вряд ли выберет того консультанта, который игнорирует сложные термины и понятия. Мы хотим, чтобы тот, кто помогает нам вкладывать деньги, обладал незаурядным умом, даже если в обычной жизни он простой парень, с которым запросто можно посмотреть чемпионат мира по футболу.

Главные жизненные вопросы, изучением которых занимаются богословы и философы, должны быть как минимум столь же важны, как вопрос о том, как прожить немного дольше, уйти на пенсию чуть более обеспеченным человеком или изготавливать незаконные вещества. Почему же люди сплошь и рядом относятся всерьез к употреблению лекарств и изготовлению наркотиков, но не считают апологетику необходимой? Думаю, дело не в том, что люди в целом антиинтеллектуальны. По-моему, они просто не думают, что религиозные убеждения способны спасти нас так же действительно, как современная медицина, и не считают религиозные убеждения такими же волнующими и приятными, как рекреационное использование психоактивных веществ.

Но как мы можем быть в этом уверены, если не изучим вопрос? Если бы вы страдали редким заболеванием, а я узнал о некоем экспериментальном методе его лечения, разве мой долг не в том, чтобы хотя бы поделиться с вами этой информацией? Разве стал бы я пропускать мимо ушей поступающие сведения, которые могут спасти вам жизнь, только потому, что правительственные агентства еще не одобрили эту методику? Конечно, нет.

Аналогичным образом, если я знаю, как можно обрести истинную полноту жизни, а у вас ее нет, разве мой нравственный долг не в том, чтобы поделиться с вами этим источником счастья? Конечно, в этом. Обязательно ли использовать ученые слова? Не всегда. Иногда ради обыкновенных людей можно и упростить научную терминологию. Но бывает, что проблема достаточно серьезна, и приходится копать глубже и вдаваться в тонкости.

Конечно, христианам следует понимать, с кем они разговаривают, и формулировать свои мысли соответствующим образом. Нет никаких причин бить неверующих по головам Библией и тяжеловесными богословскими терминами. Однако следует с осторожностью относиться к тем людям в церкви и вне ее, которые становятся интеллектуальных дискуссий об убеждениях. Антиинтеллектуальное отношение к

главным жизненным вопросам выдает непонимание того, что христианская апологетика представляет собой более действенное лекарство, чем те, которые может создать любая фармацевтическая лаборатория, и приносит больше счастья, чем любой наркотик.

Не стоит слушать тех, кто использует странный жаргон, желая показаться умным. Можно смело отложить в сторону претенциозные эзотерические сочинения современных богословов. Разумно игнорировать напыщенных книжников, которые выдают за глубокую ученость неудобоваримые высказывания. Но при этом всегда следует удостовериться, что вы боретесь не с собственной плотской немощью. Спросите себя: не пропускаете ли вы мимо ушей аргументы, связанные с религиозными убеждениями, лишь потому, что вам не хватает сил и желания разобраться в услышанном. А если вы христианин, спросите себя: не может ли ваша склонность к антиинтеллектуализму быть простым оправданием нежелания вступать в неудобные беседы с нехристианами?

Бывают времена, когда нам нужно заниматься интеллектуальной тяжелой атлетикой. Что это за времена? Когда речь идет о вопросах исключительной важности. Один такой вопрос — можно ли верить Иисусу и Его обещаниям. Лучше всего отвечать на него как можно более понятными словами. Но если разговор становится трудным или уходит в технические детали, придется засучить рукава и дать нашим близким продуманный ответ на вопрос о том, почему мы верим в то, во что верим.

Стыд

Я сентиментален, если вы понимаете, о чём я.

Мне нравится страна, но я не выношу того, что в ней вижу.

Это строки из песни Леонарда Коэна «Демократия». Он поет об Америке. Если заменить слово «страна» словом «апологетика», получится прекрасное описание моего отношения к американской индустрии евангелической апологетики. Да, я с ностальгией думаю о тех временах, когда такие яркие мыслители, как Иустин Мученик, блаженный Августин и Фома Аквинский, направляли свою интеллектуальную энергию на то, чтобы в своих обстоятельствах выстроить убедительную апологию христианства.

Сегодня же складывается впечатление, что апологетика превращается из искреннего диалога в перформанс, она движима желанием не столько быть убедительной, сколько вы-

глядеть умной, и становится не приглашением к рискованному, но уважительному спору, а источником самоудовлетворения. Проблема сегодняшней апологетики в том, что она зачастую впадает в самоуспокоение и закрывает глаза на трудные интеллектуальные вопросы, впервые возникшие в наши дни.

Поэтому некоторые христиане из благих побуждений были бы рады убрать определенные образчики популярной апологетики куданибудь с глаз подальше. Они опасаются, что в противном случае может сложиться впечатление, будто христианство опирается на шаткое или псевдонаучное основание. Они предпочитают вовсе не затрагивать эти темы, но не оказаться в одной компании с теми, кто довольствуется корявым мышлением.

Я их прекрасно понимаю.

Да, есть разумные причины отказаться от плохих аргументов. Но это не значит, что нам не следует предлагать людям хорошие аргументы или, во всяком случае, объяснять спрашивающим, почему мы верим в то, во что верим. Но представляя людям разумные аргументы, следует ответственно обращаться с фактами. Это важно и в богословском, и в этическом плане. У нас нет права ниискажать Писание, ни вкладывать ложный смысл в научные факты, чтобы победить в споре. Поступая иначе, мы совершаляем интеллектуальное самоубийство, разменяем краткосрочную выгоду на долговременное выхолащивание христианской мысли.

Безответственная аргументация

Прежде чем я объясню, почему нам не стоит стесняться апологетики, позвольте мне остановиться на проблеме безответственной аргументации. Складывается впечатление, что евангелическое христианское сообщество недостаточно самокритично и не использует в своей деятельности надлежащий процесс взаимного рецензирования. Я имею в виду не публикации в профессиональных журналах, а взаимное рецензирование с участием друзей и коллег, которое должно иметь место в повседневной жизни.

Например, прежде чем некий человек, имеющий научную степень в области богословия, начнет делать смелые заявления по вопросам космологии, биологии или нейронауки, ему следует дать эти заявления на проверку хотя бы другим христианам, которые профессионально подвизаются в этих областях, чтобы избежать ошибок — например, использования устаревших сведений или методик. В конце концов, мы требуем от фармацевтических компаний, бухгалтеров и инженеров высочайшей

точности. Но кто поставит под сомнение ложные, псевдонаучные или в принципе несостоительные аргументы христиан? Атеисты? Да, конечно, они были бы рады указать на ошибки, но христиане обычно к ним не прислушиваются. Не могу припомнить, когда в последний раз во время публичных дебатов кто-то из популярных апологетов сказал нечто в таком духе: «Интересно. Я не знал, что последние исследования опровергли теорию, на которую я опирался. Признаю свою ошибку». Почему нет? Что для нас важнее — истина или победа в споре?

Более того, христиане редко указывают на глупости, которые высказывают медийные личности, когда говорят о своей вере. Мы не торопимся призывать своих единоверцев к ответу, когда они говорят что-то неправильное. Мы опасаемся повредить правому делу. Мы не хотим нажить себе врагов среди христиан. А в тех редких случаях, когда христиане все-таки начинают протестовать, христианский истеблишмент тут же навешивает на них ярлык мелочных и недоброжелательных людей.

Это наводит меня на мысль, что мы больше похоже на интеллектуальных гангстеров и идеологов, чем на верных учеников. При этом мы, похоже, без малейших зазрений совести безжалостно критикуем друг друга, когда речь заходит о тонкостях учения или возникают кухонные споры о таинствах, о том, можно ли проповедовать в гавайской рубашке или использовать в церкви бонго и орган. Но в противостоянии с неверующими мы сплачиваем свои ряды. В чем тут дело?

Интеллектуальное гангстерство

После того, как недавно в прокат вышел христианский фильм (апологетической направленности), почти все благочестивые христиане из числа моих знакомых отзывались о нем с восторгом. Все они говорили, что это замечательное произведение искусства, которое наверняка позволит Иисусу вернуться в христианские университеты. Они ошибались. Фильм был ужасен по всем критериям, с точки зрения которых обычные люди оценивают любые фильмы. Убогая эстетика, едва заметное развитие персонажей и уродливо-карикатурное изображение атеистических философов. Безусловно, моя оценка — не истина в последней инстанции, но это мое честное мнение на данный момент. Если бы речь шла о чем-нибудь другом — например, о книге, рассказывающей о роли разводов в кальвинистской Европе XVII века, — я бы делился своими мыслями откровенно и без малейшего стеснения. Если вспомнить несколько отри-

цательных рецензий на научные публикации, которые мне довелось написать, даже худшие из этих публикаций были достаточно научными, чтобы их авторы могли получить пятерку на экзамене для бакалавров. Но критика — не проявление недоброжелательности. Ею движет стремление к мастерству. Хотим ли мы как церковь стремиться к мастерству?

Блаж. Августин в свое время обращал внимание на проблему интеллектуального гангстерства — особенно в связи со спорами о толковании истории сотворения мира из книги Бытия. О тех, кто отвергал его толкование, он писал:

...оны любят свою собственную и не потому, что она истинна, а потому, что она их собственная. Иначе они бы в равной степени любили и чужую, истинную мысль, как я люблю слова их, когда они говорят истину, — люблю не потому, что это их слова, а потому, что это истина, а раз это истина, то она уже не их собственность. Если бы они любили слова свои, потому что в них истина, слова эти стали бы достоянием их и моим, ибо истиной сообща владеют все, кто любит истину. Их же утверждение, что Моисей думал не так, как я говорю, а как они говорят, я отвергаю, оно мне противно, даже если это и так: эта смелость не от знания, а от дерзости; его породило не видение, а спесь (Исповедь XII:XXV:34).

Если мы относимся к интеллектуальному диалогу как к игре, в которой есть победители и побежденные, и стоим на своих взглядах, потому что они соответствуют точкам зрения наших избранных школ и сект, мы парадоксальным образом рушим все, что христианские мыслители пытались построить в течение последних двух тысяч лет. И все это под маской благочестия! Нам должно быть стыдно.

Освобождать других благой вестью

Однако стыд — не причина ставить крест на апологетике. Если ты один из «однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века» (Евр. 6:4-5), я не могу даже представить себе, что ты сможешь сдерживаться и молчать в присутствии других людей.

Ты уже проснулся от смертного сна? Тогда я уверен, что тебе не нужны мои ободрения, чтобы делиться с людьми услышанной благой вестью. Это можно делать посредством живо-

писи, литературы, музыки, аргументации, диалога или старых добрых бесед на пороге твоего дома. Но ты не сможешь молчать. Даже гонения и смерть тебя не остановят. Ты будешь двигаться вперед не потому, что должен, а потому, что ты не можешь иначе. Ты хочешь помочь всем окружающим выйти на свободу из умственной, духовной и эмоциональной тюрьмы.

Когда ты присоединишься к апологетическому проекту, люди могут подумать, что ты такой же, как многие другие бестолковые, поверхностные и самодовольные евангельские гладиаторы. К сожалению, такое бывает. Но это не должно помешать тебе проповедовать самый постыдный догмат нашей веры — утверждение о том, что Источник всякого бытия смирил и уничижил Себя на кресте, чтобы призвать с Собой мир. Не стыдитесь вести об этом (Рим. 1:6). Шalom.

Св. Георгий вам в помощь

Апологетика — это интеллектуальная миссионерская деятельность, которая предлагает людям основания для веры. Но ведь Лютер называл разум блудницей? Значит ли это, что апологетика — не то миссионерское поле, на котором должны подвизаться верные христиане? Можно было бы дать на этот вопрос теоретический ответ, но, наверное, будет проще проиллюстрировать проблему понимания Бога посредством человеческих умозрений на примере легенды о св. Георгии и драконе.

Символический ландшафт этой легенды уводит нас в глубину древних и мрачных уголков человеческого воображения. Св. Георгия вспоминают 23 апреля. Этот праздник установлен в честь мученика, жившего в конце III века в Каппадокии, на территории нынешней Турции. Исторический Георгий был верным христианином. Но каким образом он стал святым покровителем стольких народов? Почему в стольких странах до сих пор отмечают день его памяти? Почему знаменитая история о том, как Георгий убил дракона, распространилась по всей Евразии? Думаю, все дело в том, что эта легендарная история о победе над драконом символизирует победу Христа над ветхой логикой, над религиозными рассуждениями, которые в лучшем случае приводят людей к лестницам, которые ведут вверх, но не достают до небес, а в худшем заканчиваются человеческими жертвами.

Нет причин полагать, что у легенды о том, как Георгий спас девушку от зубов кровожадного зверя, есть какое-то историческое основание. Тем не менее, эта история (если считать

Георгия образом или символом Христа) представляет собой полное и правильное отражение того, как Бог искупил человечество. Видите ли, антропологи и археологи совершили жуткое открытие: оказывается, большинство древних человеческих сообществ приносили людей в жертву. По-видимому, эта практика угасла по окончании так называемого «осевого времени» (800-2000 гг. до н. э.), однако прилипчивая логика этой системы так и не ушла из нашего коллективного сознания. Мы находим ее следы в 11-м стихе Послания Иуды и в греческом мифе о Тесее и Минотавре.

Ветхая логика выглядела так: если взглянуть на окружающий наш мир, становится понятно, как именно Бог (или боги) относится к нам. Он (или они) очень сильно рассержен. Да, конечно, бывают периоды расцвета и урожая. Но снова и снова случаются эпидемии, наводнения, засухи, голодные годы и ураганы, которые угрожают существованию нашего вида. Иногда небеса можно задобрить, принеся в жертву животное. Но иногда наши грехи столь тяжки или боги столь суровы, что нужно более сильное средство: кровь самых дорогих для нас людей.

Что бы ни делали наши предки — бросали девушки в огонь или оставляли их связанными на съедение зверям, — логика оставалась неизменной: принеси в жертву то, что тебе дорого, и рассерженное божество успокоится. Так выглядит искусственная религия. Наш ум изобретает способы достижения религиозных целей. И какой бы болью эти ни отзывалось в наших сердцах, мы творим немыслимое зло, думая, что творим религиозное добро.

И тут на сцену выходит Георгий и говорит: «Нет. Постойте. Не причиняйте страданий вашим девицам. Я разберусь со зверем раз и навсегда». Эта идея была понятна простым людям от Уэльса до Сирии. Смерть ветхой логике! Троекратное ура Георгию! Долой ветхую логику, долой дракона.

Возможно, вам показалось странным, что я отождествляю варварскую практику, существовавшую до эпохи Просвещения, с рассудком. Но это тот самый разум, который вызывал озабоченность у Лютера. Жизнь в падшем мире приводит нас в замешательство. Зло и смерть окружают нас и одинаково пожирают праведных и неправедных. Подобно Иову, мы сидим в рутище и пепле и не понимаем, почему вселенная гадит на нас. Наши друзья, подобно друзьям Иова, пытаются воспользоваться ветхой логикой. Они ищут дешевое утешение в понимании того, почему все пошло наперекосяк, и как мы можем исправить положение своими силами.

Уильям Оккам

И тут на сцену выходит Иисус и говорит: «Нет. Постойте. Не нужно мучить себя, пытаясь решить проблему с помощью ущербной человеческой логики. Я раз и навсегда одолею грех, смерть и сатану. И вам уже не придется духовно изводить себя, думая, что тем самым вы умилостивите Отца. Я положу конец ветхой религиозной логике и переверну всю ветхую систему». Христиане радуются. Смерть ветхой логике! Троекратное ура Иисусу! Не позволим рассудку вновь увести нас с правильного пути. И у нас есть все основания отказаться возвращаться к ветхой логике, которая не учитывала, что сам Бог принесет жертву за нас (Быт. 22:8, 13-14).

Так зачем нам нужны рациональные апологетические инструменты? Затем, что в случае апологетики мы апеллируем к рассудку другого рода. Лютеру была близка эмпирическая философская традиция Уильяма Оккама (1287-1347). Оккам отвергал мысль о том, что чистый разум может сообщить нам что-либо достоверное о том конкретном мире, в котором мы живем. Он отвергал мысль о том, что мы можем понять Бога собственным разумом, и настаивал на том, что для понимания божественных истин нам нужно внешнее слово, самооткровение Бога. (В богословском плане он был полупелагианином, но это уже другой вопрос.)

Апологетика, опираясь на доступные человеческому разуму ресурсы в виде исторических изысканий и критического мышления, помогает нам понять, какому из предполагаемых откровений можно доверять, и можно ли доверять какому-нибудь из них вообще.

Если вы склонны к академическим знаниям, можно прочесть об этом подробнее в книге Дэвида Андерсена *Martin Luther: The Problem with Faith and Reason: A Reexamination in Light of the Epistemological and Christological Issues*.

Апологетика в надлежащем ее понимании нужна не для того, чтобы с помощью разума познавать Бога или судить библейские учения. Она нужна для того, чтобы, следуя эмпирической цепочке свидетельств, прийти к подножию креста, где Бог переворачивает все исходные допущения человеческого разума

вверх тормашками. Кроме того, раз уж Бог наделил нас разумом, мы можем воспользоваться им, чтобы понять Его письменное откровение. Слово, которое мы находим, переворачивает с ног на голову все человеческие ожидания. Как и в случае с легендой о св. Георгии, мы обнаруживаем, что ветхая логика побеждена. К нам снизошла новая логика, и ее счастливый конец гораздо лучше всех финалов любых легенд, звучавших с начала времен.

Сектантская ксенофобия

Большинство из нас боятся различий. Меня же различия привлекают. Не потому, что я лучше других людей. Думаю, причины носят психологический характер и отчасти связаны с наследственностью, а отчасти с опытом, приобретенным в детские годы. Видите ли, я был старшим из восьми детей в небогатой семье.

На протяжении многих лет мои братья и сестры не могли придерживаться традиционного режима питания: три приема пищи в день. Количество потребляемых нами калорий резко возрастало по пятницам, когда наш отец получал зарплату. По окончании рабочей недели он приносил домой две большие пиццы, которые мы поглощали, словно голодная саранча. С этим делом мы управлялись быстро. В остальные дни недели мы пытались растянуть продукты, купленные отцом в субботу, до следующего дня пиццы. По средам мы часто питались разогретой фасолью с кетчупом и тостом, смазанным майонезом или ложкой арахисового масла. Однажды в четверг мой брат выскреб блинную муку, скопившуюся на дне буфетного ящика и испек для всех нас несколько крохотных лепешек.

Так или иначе, прежде чем отправляться за покупками, папа часто спрашивал, чего мы хотим. Кто-то просил лимонада, бутербродов с ветчиной и картофельных чипсов. Я же просил брюссельскую капусту, грэйпфрутовый сок, печенку и копченых устриц. Почему? Да потому, что никто из моих братьев и сестер ни к чему этому не прикоснулся бы. Например, открытая банка с устрицами всю неделю могла стоять на буфете нетронутой. И в четверг я мог бы единолично употребить весь этот белок.

Но через несколько лет я уже запросто мог выносить резкие вкусы. В результате долгой тренировки необычные, острые, странные и вычурные вкусы стали моим наваждением. И сегодня в целом мире не найти такого продукта, который бы я не отважился попробовать (за исключением мяса китов и обезьян — по этическим соображениям), если хотя бы один обитатель нашей планеты определил, что его

можно съесть, не вызвав рвотный рефлекс и не упав замертво.

Все это отразилось на моем подходе к обучению. Как бы твердо я ни был предан собственной традиции, я ненасытен, когда речь заходит об исследовании новых и незнакомых идей, философий и религий. Мне нравится вести глубокие беседы с людьми, исповедующими совершенно другие убеждения. Это придает моей жизни вкус. Как и в случае с пищей, я обогащаюсь благодаря тому, что готов пробовать новое. Возможно, после разговора мои взгляды не изменятся (хотя бывало и такое), но я учусь любить, слушать и понимать. И это приносит добрые плоды в моих отношениях с окружающими. Более того, я никогда не видел, чтобы люди переходили от неверия к вере в христианство как-либо иначе, нежели в результате откровенных бесед. Я никогда не пытаюсь кому-то что-то «впарить». В конце концов, я ничего не продаю. Я просто указываю на источник света, пользуясь доступными мне интеллектуальными инструментами, чтобы определить, откуда свет исходит. Стоя плечом к плечу с другим человеком, я спрашиваю: «Разве это не похоже на луч света?» И потом мы непринужденно обсуждаем наши мнения по данному вопросу.

Почему так много христиан недолюбливают апологетику? Потому, что различия заставляют сектантов и ксенофобов молчать. В словарике, составленном моим деканом Стивом Мюллером (Steven P. Mueller. *Called to Believe: A Brief Introduction to Christian Doctrine* [Wipf and Stock, 2006]), есть такое определение секты:

...группа, отделившаяся от какой-то другой группы, как правило, маргинальная христианская группа, отделившаяся от какой-то деноминации. Сектантство подразумевает неумеренно ревностную преданность своей секте и максимальную изоляцию от остальной группы вкупе с отказом признавать то истинное, что есть в другой группе.

Это нежелание признавать истину в других людях столь же распространено, сколь социологически предсказуемо. Иногда оно объясняется добрыми намерениями. Люди хотят сохранить чистоту веры, поэтому пытаются защититься от влияния лжи. Однако такая жизненная позиция явно снижает способность христианина взаимодействовать с другими людьми. Поведение тех, кто заражен вирусом ксенофобии — неприязни к людям иного, нежели они сами, происхождения, — столь же естественно и столь же неправильно. Ксенофобы не проявляют открытости к посторонним, боясь, что

эти посторонние могут проникнуть в ряды их группы и повредить ее единству.

Если, занимаясь апологетикой, я трачу все силы на проведение, поддержание и защиту идеологических границ, мои попытки показать людям путь в царство Христа не увенчиваются успехом. Аналогичным образом, если моя секта опасается людей иного происхождения и с помощью хитрых приемов не допускает их в свои ряды, отсутствие гостеприимства поставит крест на любых рассуждениях об апологетике и благовестии.

Хорошая апологетика требует от христианина правильного понимания точки зрения собеседника, и психологически этот опыт может быть неприятен. Поэтому сектанты-ксенофобы лучше будут говорить в пустоту, чем позволят неумытому язычнику присоединиться к вечеринке. Ведь обратное может привести не только к вторжению чужеродных мыслей, но и к краху его собственных убеждений.

Христианство должно идти узким путем между двумя сторонами того, что Юрген Мольтман (*The Crucified God*, p. 7) называл двойным кризисом релевантности и идентичности. Вот как я вижу эту проблему применительно к современной апологетике. Если церковь прекрасно умеет сохранять свою идентичность, избегая «посторонних», она, как ни странно, перестает быть собой — Божиим народом, проповедующим благую весть окружающим. Именно в этом зачастую состоит ошибка фундаменталистов. Аналогичным образом, если церковь всецело сосредотачивается на релевантности, она просто поймет, откуда дует ветер, и последует общему тренду. И в результате она утратит пророческий голос, даже считая себя модной и профетической. Это распространенная ошибка либералов.

Зацикленность на консерватизме само-разрушительна, из-за нее церковь теряет саму себя. Зацикленность же на релевантности делает церковь до смешного нерелевантной. Каково же противоядие? Верность Иисусу, Который проводил время с «внешними», приближал их к источнику жизни, не вздрагивал от ужаса, когда блудница подходила слишком близко, омывала Его ноги своими слезами и отирала своими волосами. Проявляя такую верность, христианская церковь выходит в многообразный, безумный, по поддающийся искуплению мир и, по благодати Божьей, меняет существующее положение вещей.

Недостаток мужества

Врачи меня пугают. Жене приходится записывать меня на прием, иначе я никогда не попа-

ду на обследование. Меня не пугает боль, хотя я боюсь иголок. Больше всего меня страшит диагноз. Во вторник я чувствую себя прекрасно и не хочу в среду узнать, что я смертельно болен, поэтому я выбираю блаженство медицинского невежества. Конечно, это худшая из всех возможных стратегий для того, кто хочет прожить полноценную здоровую жизнь. Тем не менее, когда дело доходит до посещения врачебного кабинета, мой здравый смысл капитулирует перед моими страхами. Точно то же самое у многих происходит, когда дело доходит до апологетики. Страшно спросить себя, верны ли твои убеждения.

Более того, поделюсь с вами одним секретом. На фоне множества моих знакомых, уверовавших во Христа после изучения апологетических аргументов, я знаю по меньшей мере троих молодых христиан, которые отказались от веры, тщательно взвесив все аргументы. Проблема зла, ветхозаветные войны, видимые противоречия между наукой и религией и трудности с получением внебиблейских сведений об историческом Иисусе привели к тому, что несколько моих знакомых, молодых ученых, отреклись от веры своего детства. Например, я знал людей, которые, по их собственным словам, ушли из церкви, увидев различия между описаниями торжественного входа Христа в Иерусалим (Мк. 11, Лк. 19, Ин. 12) и противоречия между указаниями на то, по чьей инициативе Давид организовал перепись (1 Пар. 21, 2 Цар. 24). Некоторые ушли под впечатлением от книг новых атеистов.

Так что же делать верующему? Разве не безопаснее посвистывать себе под нос и закрывать глаза на любые сведения, из которых следует, что ваши убеждения могут быть ошибочными? Да, безопаснее, если под безопасностью мы имеем в виду душевный покой или отсутствие необходимости в изменении взглядов. Наверное, именно поэтому многие христиане — и консерваторы, и либералы — втайне боятся апологетики. Она вынуждает их быть готовыми к изменениям. А любые изменения — так же, как развод, смена места работы или переезд в другой город, — источник сильного стресса. Перед лицом такой опасности мы тушуемся. Нам недостает мужества открыть глаза и взглянуть в лицо фактам.

Чем вызвано такое малодушие? Не уверенностью в том, что все закончится хорошо. Тихий зудящий голос у нас в голове говорит, что Иисус может оказаться не более чем «Санта-Клаусом для взрослых». А ведь мы уже отдали Ему столько времени, столько раз по воскресеньям отказывались от развлечений ради сиде-

ния в церкви на жестких скамьях и поставили на кон все ради вечности. Ставки уже так высоки, что теперь мы уже просто не можем спасовать, не правда ли?

Но что, если все действительно закончится хорошо? Что, если, открыв глаза, мы увидим прекрасные картины, обретем четкость зрения и станем способны на героические поступки? Одним словом, что, если факты приведут нас в мир добра, истины и красоты? Даже если есть малейший шанс, что на это можно надеяться, на нас ложится нравственная обязанность надеяться на это.

Но, что важнее всего, малодушие не может оправдать уклонение от апологетических тем по трем простым причинам.

- Если вы не разберетесь в трудных вопросах сейчас, весьма вероятно, что они вернутся к вам впоследствии, и если в вашем распоряжении не окажется надежных ресурсов, вы можете просто так, без особых причин, отпасть от христианства.
- Если вы делаете вид, будто верите в то, что не считаете истинным ни в каком общепринятом смысле этого слова, скорее всего, вы обманываете себя и на самом деле в это не верите. Я не хочу сказать, что нельзя быть настоящим христианином, не занимаясь апологетикой, — многие верят в истину, не заботясь о разумном основании своей веры. Но не совсем понятно, что мы, в таком случае, вообще называем «верой».
- Я убежден, что исторические факты лучше всего объясняют предположение, что Иисус на самом деле воскрес из мертвых.

Последний тезис очень важен, ведь его истинность влечет за собой серьезные изменения в жизни человека. Поэтому, верующий вы или атеист, исследуя апологетические аргументы, вы не потеряете ничего, кроме своих иллюзий. Но можете приобрести нечто бесценное...

Радость и надежда

Я не имею сейчас в виду пари Паскаля. Я не хочу сказать, что вам следует сделать ставку на истинность христианства потому, что она беспроигрышна. Я не хочу сказать, что следует сделать ставку на веру просто так, без всяких причин. Я всего лишь предлагаю вам сделать ставку на исследование того, следует ли вам уверовать. Чем вы рискуете? Поэтому ободритесь, спутники: вкусите и увидите, так ли благ Господь.

Плюралистическая любезность

Кто бы мог подумать, что мусульманин, иудей, индуист и христианин будут одинаково разочарованы лекцией либерального протестанта? Хотя причина очевидна. Некий благонамеренный прогрессивный профессор богословия из Оксфордского университета поделился со слушателями своим открытием, которое могло бы стать основой для мира во всем мире: все мы ищем одного и того же. Все религии, по существу, сводятся к золотому правилу, мистическому переживанию невыразимого (реальности, которую невозможно описать словами) и социологической потребности во взаимоотношениях. Может быть, он говорил что-то еще, но минут через двадцать мои мысли сосредоточились на том, где можно хорошо покушать. То же самое происходило и с другими студентами, верными последователями авраамических религий (насколько можно было судить по их явно религиозным облачениям), на лицах которых сменяли друг друга три эмоции: гнев, веселье и озабоченность. В результате мы все вместе отправились в индийский ресторанчик, где сердечно и искренне поделились друг с другом своими настоящими представлениями о мире.

Что нас разочаровало в лекции? Каждый из нас понимал, что этот пожилой, седовласый профессор-европеец пытался переписать наши религиозные нарративы. Он хотел, чтобы все они сошлись в одной точке: среднестатистической терапевтической деистической этике.

К счастью, религиоведы разных вероисповеданий опровергли идею, что все религии говорят одно и то же. Лучше всего это объясняет Стивен Протеро в книге *God is Not One*. Аналогичные объяснения можно найти в работах таких ученых, как Ниниан Смарт и Джонатан Смит, которые критикуют эссециализм — идею о том, что сущность всех религий одна.

Отсюда следует два вывода: во-первых, мы не обязаны защищать религию «вообще» и, во-вторых, можно отстаивать уникальные убеждения христианства и не сеять рознь. Действительно, любая апологетика, сосредоточенная на том, чтобы приспособить христианство к образу удобной среднестатистической религиозности, — пустая трата времени и непонимание того, чем на самом деле возмущает людей христианство, — его претензий на исключительность.

Исключительность заключается в том, что Богу было угодно примирить с Собой мир не посредством вселенской религии, а посредством конкретного человека, жившего 2000 лет назад. Он был мужчиной. Он был евреем.

У Него были родственники, которые не всегда Его понимали. И этого человека, обычного с виду человека, от которого пахло так, как пахло от всех людей до изобретения дезодоранта, третья человечества называет своим Богом.

Это обстоятельство не только не мешает моей вере, но и представляет собой, наверное, мою любимую особенность христианского богословия. Кто, кроме Творца вселенной, мог задумать нечто столь удивительное? Будь я Богом, я бы, наверное, попытался изобрести какой-то зреющий способ общения с имеющими тело, конечными, мыслящими тварными существами. Я бы явился им в виде сияющего голубым светом пришельца 50-метрового роста. Я был бы миловидным, но пугающим. От меня бы пахло лучше, чем от баллончика с дезодорантом «Ахе». Я бы составил Библию длиной в одну страницу. А верх страницы украсил бы картинкой заката. А внизу поместил бы изображение детеныша обезьяны, обнимающего котенка. А посередине оставил бы только четыре стиха:

Как, видя всю эту красоту, вы можете быть
так печальны и так жестоки со своими
ближними?

Когда вы проявляете жестокость, Я
сердусь.

Пожалуйста, не будьте уродами, иначе я
вас истреблю.

Если изображение обезьянки с котенком не помогло, полюбуйтесь на реки и равнины Айдахо, они великолепны. Их сформировал Я.

К счастью для всех нас, я не Всемогущий. Да, дети, котята и ручьи в Айдахо прекрасны, нет слов. И, конечно, важно не быть мразями. Но настоящее послание Евангелия гораздо богаче. Бог во плоти! Бог уподобился нам. Он страдал, а Его ноги омывала слезами и отирала волосами какая-то женщина. Эта история величественнее наших самых смелых мечтаний и необычнее наших самых диковинных сновидений.

Да, она странна и невероятна. То есть в нее трудно поверить. Действительно трудно возложить все надежды в мире на какого-то мужика, который — как писал Клайв Льюис — был или сумасшедшим, или мошенником, или источником всего сущего. Почему вселенский, бесконечный Бог открылся нам столь mestechkovym, приземленным и экстравагантным образом?

Я не буду пытаться объяснить, почему Бог так поступил. У меня есть свои подозрения на этот счет (я их оставлю при себе). Но я советую тебе, читатель, спросить себя — прямо

сейчас — готов ли ты ступить на этот тернистый и странный путь. Возможно, в результате ты так и не поймешь, как этот человек мог быть Агнцем Божиим, берущим на Себя грехи всего мира. Возможно, тебя будет преследовать мысль, что вера в такого Христа покажется оскорбительной нехристианам. Но какое отношение все это имеет к истине?

Некоторых людей апологетика удручет. Ведь она отстаивает тезис о том, что Иисус из Назарета был Богом во плоти, а не одним из многочисленных бодхисаттв или аватар божества. Однако отказываться от этого проекта нет причин. На самом деле, это зацепка, которой позавидовал бы любой следователь. Изучите свидетельства в пользу того, что «подозреваемый» — на самом деле Богочеловек. Не знаю, какие там еще у нас сегодня есть подозреваемые. О том, как быть с другими религиями и их последователями, подумаете впоследствии. А пока задайте себе один вопрос: не стала ли две тысячи лет назад центром всего мироздания гора у стен Иерусалима? Если это так, какие еще тайны можно открыть ключом этой истины? А если перед нами открывается дверь к тайнам жизни, с какой стати нам пребывать в отчаянии? Я уверен, что все закончится хорошо. По слухам, все это правда. Я считаю, что это правда. По крайней мере загляните в дверь, которую перед вами открывает апологетика. Мало ли что вы найдете там, за ней?

Джефф Маллинсон — писатель, лектор и преподаватель. В 2001 году он защитил в Оксфордском университете докторскую диссертацию по эпистемологии Теодора Безы. Область его научных интересов охватывает историю, восточные религии, современное богословие и палеографию. В 2012-2022 годах Джек Маллинсон возглавлял кафедру истории и политологии в Университете «Конкордия» (Ирвин, Калифорния), а до того 4 года занимал пост академического декана и преподавателя богословия и философии в Лютеранском колледже св. Троицы (Эверетт, Вашингтон). Его перу принадлежит ряд журнальных и энциклопедических статей, а также монография *Faith, Reason, and Revelation in Theodore Beza (1519-1605)*.

Оригинальный текст статьи был опубликован на сайте конфессионального лютеранского просветительского проекта «1517 The Legacy Project» (www.1517legacy.com). Все права сохранены.

«КИТАЙСКАЯ СПАСИТЕЛЬНИЦА»

Тони Браун

Это история о китайской Спасительнице, устаревшей Библии, панике, связанной с концом тысячелетия, календаре майя, похищении людей и убийстве.

Новых религиозных движений множество. О большинстве из них общественности ничего не известно, но некоторые привлекают внимание людей и мелькают в новостях — иногда после того, как их обвинят в каком-нибудь ужасном преступлении. Именно так и было с культом, известным под названием «Церковь Всемогущего Бога».

Эта группа уже была известна китайским властям и запрещена как экстремистский культ, но в 2014 году получила более широкую и печальную известность. Новостное издание сообщило, что 47-летнюю женщину по имени Ву Шуюань забили до смерти в ресторане «Макдональдс» в г. Чжаоюань. Было объявлено, что шесть человек, арестованных по подозрению в убийстве, принадлежали к Церкви Всемогущего Бога, последователям китайской «Спасительницы» Ян Сянбинь. Благодаря этой трагедии название группы оказалось на слуху, но многие люди до сих пор мало что знают об этом скрытном движении.

Церковь Всемогущего Бога

Церковь Всемогущего Бога, иначе известная как «Восточная молния», была основана в Китае в 1991 году человеком по имени Чжао Вэйшань, бывшим учителем физики. Прежде Вэйшань принадлежал к «Крикунам» — последователям Уитнесса Ли, которых называли так за привычку во время поклонения громко кричать на людях. Именно в рядах этого движения Чжао и познакомился впервые с молодой женщиной по имени Ян Сянбинь.

Ян Сянбинь родилась в Китае в 1973 году. В молодости она перенесла тяжелый психический срыв, вызванный неудачной попыткой сдать вступительные экзамены в университет. Расстройство психики было столь серьезно, что родные приняли его за бесовскую одержимость. Никакое лечение не помогало до тех пор, пока Ян не заручилась молитвенной поддержкой членов движения «Крикунов», после

Логотип Церкви Всемогущего Бога

чего она пошла на поправку. Именно тогда она посвятила себя движению и учениям Уитнесса Ли.

Чжао Вэйшань тоже был убежденным сторонником Уитнесса Ли, которого даже считал Христом последних времен. Вера в близость апокалипсиса побуждала Чжао призывать людей немедленно спастись, чтобы не быть проклятыми навеки.

В 1989 году китайские коммунистические власти объявили «Крикунов» опасным культом. Правительство никому не позволяло критиковать себя и признавало лишь пять религиозных течений: буддизм, даосизм, ислам, католицизм и протестантизм. Любую группу, которая не вписывалась в эти рамки, объявляли опасным культом и запрещали.

В 1991 году Чжао, сознавая, чем ему грозит членство в неофициальной религиозной группе, основал новую церковь, которую назвал «Церковью Господа новых возможностей», а затем провозгласил самого себя «Господом возможностей». Распространяя брошюры и аудиозаписи своих толкований Библии, Чжао постепенно привлекал к себе последователей. Во взглядах Чжао ключевую роль играли две идеи. Во-первых, он отожествлял коммунистическое правительство

Предположительно портреты Ян Сянбинь (слева) и Чжао Вэйшаня (справа)

Китая с великим красным драконом из 12-й главы Откровения. Он называл правительство могущественной и злой силой. Во-вторых, он считал текст Матфея 24:27 предсказанием о пришествии Христоса с востока (из Китая). Таким образом было заложено основание учения о китайском Спасителе.

Откровения китайской Спасительницы

Китайская Спасительница и новые откровения

Познакомившись, Чжао и Ян нашли друг в другие родственные души. У них обоих были причины не любить китайское правительство, и оба они хотели проповедовать евангелие Уитнесса Ли. Они были уверены, что их соединил Бог. Между ними завязались отношения, и они планировали совместное будущее.

Однако по неизвестным причинам здоровье Ян Сянбинь снова начало ухудшаться. Она говорила, что получает сны и видения и начала писать религиозный текст, который, как она рассказала Чжао, представляет собой Слово Божье, откровение для Эпохи Царства. По-прежнему остается загадкой, действительно ли она считала себя Божиим пророком или просто увидела в этом возможность привлечь в молодую церковь новых людей.

Так или иначе, Чжао объявил своим последователям, что Ян — это Христос, вернувшийся с востока, Всемогущий Бог, сошедший с небес, чтобы спасти их от великого красного дракона. Соответственно, Чжао переименовал свою группу и назвал ее «Церковью Всемогущего Бога». У дви-

жения было и неформальное название, «Восточная молния», поскольку Чжао называл Ян исполнением пророчества из Матфея 24:27. Самого себя он объявил Первосвященником Церкви Всемогущего Бога.

Красный дракон и близкий суд

Церковь быстро росла — людям пришлось по душе учение Чжао о том, что авторитарное правительство Китая и есть великий красный дракон, предсказанный в Откровении, и что Христос в облике женщины пришел их спасти. Особенно привлекательным эта идея оказалась для женщин среднего возраста. Именно они под жесткой властью коммунистического режима чувствовали себя покинутыми, нелюбимыми и ненужными. В Восточной молнии они обрели цель жизни и признание.

Когда люди становились учениками Чжао, тот внушал им страх. Он говорил им, что Бог вернулся и суд вот-вот начнется. Единственная надежда на спасение — быть частью его группы. Если же кто-то захочет уйти, Всемогущий Бог поразит такого человека смертельной болезнью.

Подобная практика распространена в мире культов. Культы часто называют себя единственным путем спасения и говорят, что самые суровые наказания Бог приберегает для тех, кто осмеливается покинуть группу.

Другое евангелие

Восточная молния утверждает, что Иисус был простым человеком, пока в возрасте приблизи-

Характерный по цветовой гамме и содержанию кадр из презентации Церкви Всемогущего Бога

тельно 29 лет не приступил к служению. И даже после этого Иисус был всего лишь святой личностью и не решил полностью проблему греха. Поэтому «Христос последних дней» Ян Синбинь должна довести Божье дело до конца. Ее называют Христом, но считают не вернувшимся Иисусом, а новым воплощением Бога.

Внебиблейское откровение и другое евангелие — характерный признак так называемых культов христианства. В Восточной молнии эту роль играют слова и сочинения Ян. Ее наставления, в основном собранные в книге *The Word Appears in the Flesh* («Слово является во плоти»), пришли на смену Библии, которая теперь считается устаревшей. Следует не обращаться к Библии, а верить откровениям, данным Всемогущим Богом, Христом в обличье женщины. Именно этому учению теперь следует повиноваться.

Конечно, это не мешает группе пользоваться Библией, зачастую цитируя ее вне контекста, для подкрепления своих ошибочных убеждений. Нельзя называть себя христианами и полностью отказаться от Библии, поэтому они пользуются ей, чтобы заманивать в свои ряды библейских верующих, убеждая их отказаться от своей веры и присоединиться к «истинной церкви».

Три эпохи

Еще одним ключевым учением группы можно назвать идею «трех эпох». Сначала была Эпоха Закона, которая охватывала весь Ветхий Завет и завершилась с рождением Христа. Бога в этот период называли Иеговой. Далее началась Эпоха

Благодати, которая началась в момент рождения Христа и продолжалась до явления Христа в женском обличье Ян Синбинь. В этот период Бога называли Иисусом. Наконец, сейчас наступила Эпоха Царства. Суть ее заключается в суде, а Бога теперь называют Всемогущим Богом. Он сам сейчас вршишт суд белого престола.

Модализм

Как всегда, Троица — основное учение, которое отвергают культуры.

...Троица из Отца, Сына и Святого Духа просто не существует. Все это устоявшиеся человеческие понятия и ложные человеческие убеждения. Много столетий человек верил в эту Троицу, составленную из понятий, существующих в человеческом уме, придуманных человеком и прежде никогда человеком не виданных. На протяжении всех этих многочисленных лет было много толкователей Библии, которые объясняли «истинный смысл» Троицы, но подобные объяснения единого Бога как трех различимых единосущных личностей были расплывчаты и непонятны, и все люди сбиты с толку такой «конструкцией» Бога (*The Word Appears in the Flesh*, pp. 1071-1072).

Восточная молния, напротив, проповедует некую разновидность модализма, согласно которой Отец, Сын и Дух — три проявления Бога.

Китайская Спасительница и лжепророчества

Восточная молния устами первого священника Чжао Вэйшана по крайней мере дважды предупреждала своих последователей, что конец близок. Как и многие лидеры апокалиптических культов, Чжао проявляет неумеренный интерес к событиям последних времен и уверен, что конец близок.

Первый такой случай был в 2000 году. От приверженцев потребовали доказать свою преданность и отказаться от всего, что у них есть, потому что мир вот-вот закончится. Конечно, конец мира в 2000 году не наступил, зато пришел конец первоисповеднику и Христу в женском обличье, поскольку в том году они бежали из родной страны. Они отправились в США, попросили политического убежища и получили разрешение остаться в стране.

Второе лжепророчество было оглашено в 2012 году, когда Чжао, подобно многим, купился на пророчество майя, согласно которому конец света ожидался в декабре того года. Многие его последователи и в этот раз боялись конца, поэтому отдали все свои сбережения группе и фанатично пытались «спасать» людей. Чжао заявил, что для того, чтобы обрести благосклонность неуловимого Христа в женском обличье и, возможно, даже встретиться с ним, нужно обратить как можно больше людей. В результате множество верующих вышли на улицы Китая, проповедуя близкий конец света, и некоторых из них арестовали за организацию беспорядков.

Странно, что после того, как пророчества не исполнились, кто-то может захотеть остаться в группе. Однако люди оставались. Да, у некоторых открывались глаза, и они пытались уйти, однако большинство оставалось — зачастую из-за страха и в результате манипуляций. Оставшиеся приняли на веру объяснения Чжао о том, почему конец не наступил. Он заявил, что Всемогущий Бог пощадил землю, видя покорность Восточной молнии, но вновь напомнил последователям, что конец совсем близок.

Что есть истина?

Знакомясь с Церковью Всемогущего Бога, вы обнаружите, что далеко не все в ней понятно и однозначно. Например, Восточная молния по-прежнему уверяет, что не представляет собой опасный экстремистский культ, и что пресса нарисовала такой образ по указке и под давлением великого красного дракона.

Возможно, какая-то доля истины в этом есть. Могли ли коммунистические вожди Китая, неприязненно относящиеся к религии, представить Восточную молнию в ложном свете? Да, конечно. Но значит ли это, что сама группа не виновна в многочисленных нарушениях, в которых ее обвиняют?

Похоже, фактов, свидетельствующих о том, что Восточная молния замешана в похищении людей, кражах, избиениях и разбойных нападениях, больше чем достаточно. Новостная статья, упомянутая в начале статьи, позволяет судить о том, что это за группа. Никакого раскаяния виновные в смерти Ву Шуюань не проявили. Согласно репортажу Би-Би-Си, Чжан Лидонг, который наступил ногой на голову Ву, сказал: «Я бил ее в полную силу и топтал ее ногами. Она была демоном. Мы должны были ее уничтожить». Люди, покинувшие движение, подтвердили, что Восточная молния — очень опасная группа.

Но некоторые важные вопросы все еще остаются без ответа. Возглавляют ли до сих пор эту группу Чжао Вэйшань и Ян Сянбинь? О них почти ничего не было слышно с тех пор, как они переехали в США, хотя, любопытным образом, вскоре после их переезда в Нью-Йорк появилась община Восточной молнии. Контролирует ли Чжао деятельность группы из-за границы? Или он передал свои полномочия кому-то другому?

Восточная молния сегодня

Точно определить трудно, но, по некоторым оценкам, в мире может насчитываться 3-4 миллиона последователей Восточной молнии. Они продолжают привлекать в свое движение новых людей, для чего создали собственную страницу в Интернете, а также канал YouTube с полноформатными фильмами, проповедями и музыкальными записями. Они невероятно активны в социальных сетях, зачастую скрывают свои настоящие имена и убеждения, поэтому ничего не подозревающие христиане добавляют их в друзья. Случается, что они пытаются проникнуть в христианские церкви, намереваясь переманить прихожан в «истинную церковь».

Братья и сестры, Восточная молния — несомненно опасное, богословски ошибочное новое религиозное движения. Нам следует прислушаться к словам покойного исследователя культов Уолтера Мартина, который говорил, что не следует спешно признавать христианином каждого, кто так себя называет. Если кто-то говорит, что верит в Иисуса, стоит его спросить: «В какого именно?» Если «Иисус», в которого он верит, уже вернулся, вы можете смело сделать вывод, что это учение не от Бога, и его следует избегать.

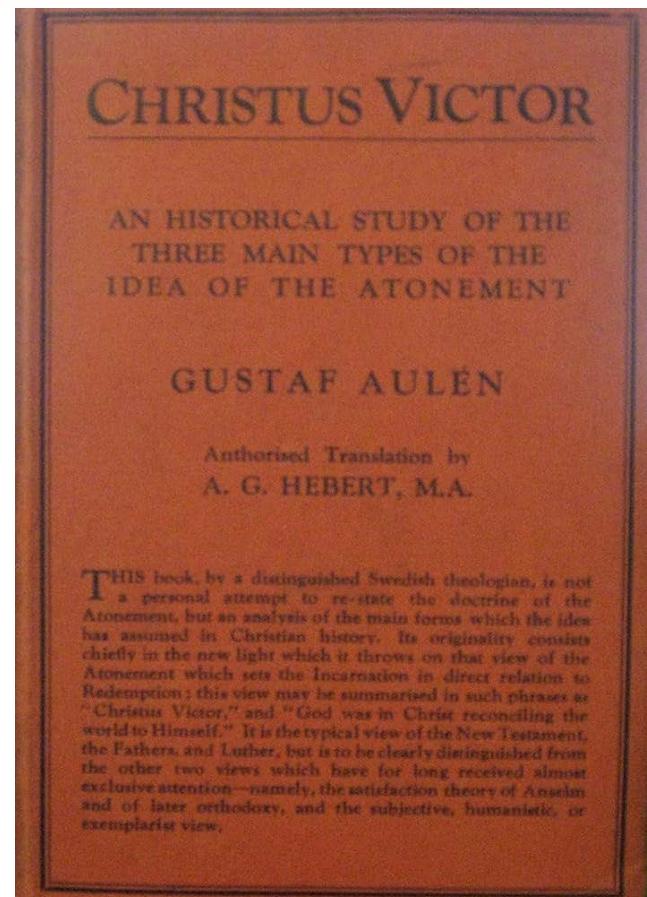
Оригинальный текст статьи был опубликован на сайте британского апологетического служения Richout Trust (reachouttrust.org). Все права сохранены.

КРИТИКА УЧЕНИЯ ГУСТАФА АУЛЕНА О *CHRISTUS VICTOR*

Джордж Эвенсон

Одна из наиболее значимых богословских книг, изданных за последние сто лет, — *Christus Victor* Густава Аулена. В ней автор высказывает мнение, что существует три основных представления или теории об искуплении: классическая, латинская и субъективно-гуманистическая. Значимость и спорный характер книге придает тезис автора, что подлинно библейским учением об искуплении следует считать классический вариант, что Лютер проповедовал классический вариант, и что, следовательно, ортодоксальное лютеранское учение об искуплении явно расходится и с Писанием, и с сочинениями Лютера. Аулен утверждает, что «учение лютеранства стало чем-то совсем иным, нежели учение Лютера»¹. Переводчик в своем предисловии сообщает читателю, что «д-р Аулен показывает, насколько велик контраст между Лютером и лютеранами» (р. ix). Следовательно, идея *Christus Victor* ставит нас перед лицом настоятельной необходимости серьезно переосмыслить и переоценить «традиционное» христианское учение об искуплении. Утверждение Эдгара Карлсона, что ауленовское понимание искупления в основном принимается как должное в нынешнем Лундском богословии (*Seminarian*, pp. 36 и далее), свидетельствует о том, что уклониться от решения этого вопроса нельзя.

Настоящая статья лишь косвенно отстаивает учение о заместительном удовлетворении. В первую очередь она представляет собой критику методологии и богословия, представленных в книге *Christus Victor*. Критическая оценка не означает, что рецензент не видит в книге Аулена ничего положительного. Многое в ней заслуживает одобрения. Она отвергает субъективные, гуманистические толкования искупления. Она подчеркивает, что в роли как Примирителя, так

и Примиренного выступает Бог. Она подчеркивает реальность существования сатаны. Она подчеркивает победу Христа над силами зла.

Однако можно сделать на каком-то одном аспекте истины настолько большой акцент, что истина в целом окажется искаженной. В этом и заключается основной изъян книги *Christus Victor*. Сделав упор на одну библейскую истину, она пренебрегает другой (практически ее отрицают), без которой «победа» Христа настоящей не будет.

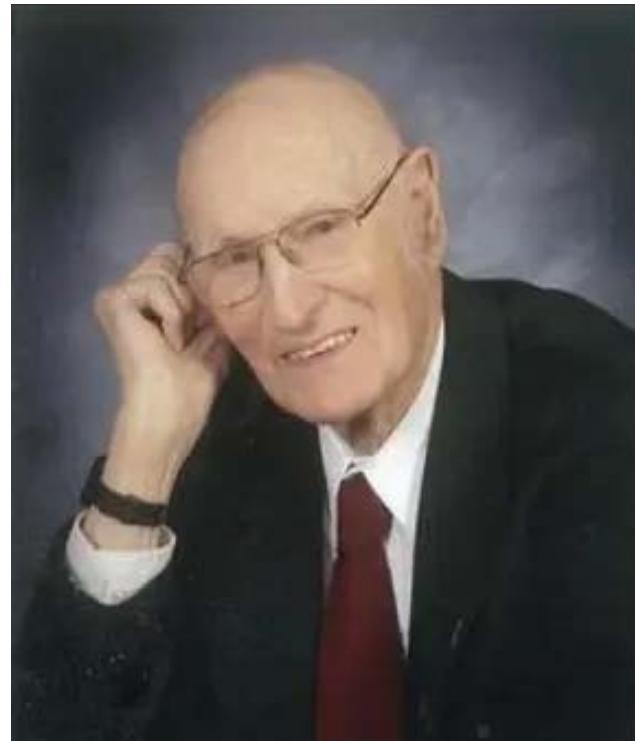
Сначала мы исследуем методологию Аулена, отраженную в книге, а потом его бо-

гословие, представленное в ней же. Для того, чтобы подчеркнуть, что мы не одиноки в своей критике его книги, мы будем часто ссылааться на выводы других исследователей.

Классическое понимание искупления можно описать таким образом: его центральная тема — представление об искуплении как о божественном конфликте и божественной победе. Христос (*Christus Victor*) сражается со злыми силами этого мира, с «тиранами», под властью которых человечество пребывает в узах и страданиях, одерживает над ними верх, и в Нем Бог примиряет с Собою мир... Оно описывает труд спасения, драму спасения; но это спасение одновременно представляет собой искупление в полном смысле слова, поскольку этим трудом Бог примиряет мир с Собой и в то же время Сам примиряется с миром. Контекст этой идеи носит дуалистический характер; Бог изображается как ведущий во Христе победоносную войну против сил зла, враждебный Его воле. Это и есть искупление, поскольку драма носит вселенский характер, а победа над враждебными силами порождает новые взаимоотношения, взаимоотношения примирения, между Богом и миром; и, более того, поскольку считается, что в некоторой степени враждебные силы служат воле Бога, Судии всех, и приводят в исполнение Его приговор. С этой точки зрения Его победа над противостоящими силами воспринимается как примирение Самого Бога с миром; Он примиряется с миром тем самым деянием, которым примиряет мир с Собой (pp. 4 и далее [20 и далее])².

Давайте четко обозначим проблему: Аulen называет победу удовлетворением, в то время как «традиционное» лютеранское учение называет удовлетворение победой³. В соответствии с классическим пониманием искупления, как его понимал Аulen, Христос умер для того, чтобы победить силы зла и таким образом обеспечить человеку избавление от них. «Традиционное» же учение утверждает, что Христос умер, чтобы удовлетворить требования Божьей святости, расплатившись за грехи человека, и тем самым обеспечить человеку прощение и вечную жизнь. Два столь радикально непохожих друг на друга толкования значения смерти Христовой влекут за собой далеко идущие последствия. Какое из толкований правильно?

Важно понять не только выводы, к которым пришел исследователь, но и то, каким образом он к ним пришел. Важно отметить, что методология, которой Аulen следует в своей книге, страдает несколькими серьезными изъянами. Прежде всего, его книга изобилует смелыми широкими обобщениями, которые не сопровож-

Преп. д-р Джордж Оливер Эвансон

даются убедительными доказательствами. Например, он утверждает, что классическое понимание искупления доминирует во всем греческом святоотеческом богословии от Иринея Лионского до Иоанна Дамаскина, а равно и в мышлении западных отцов (pp. 37, 39 [53, 55]). Очевидно, что размеры статьи не позволяют нам заняться анализом святоотеческих сочинений, поэтому в подтверждение своих слов мы сошлемся на свидетельства других авторов. Арчибалд Александр Ходж (*The Atonement*, pp. 273-282), Альфред Кэйв (*The Scriptural Doctrine of Sacrifice and Atonement*, p. 332) и Джордж Фоули (*Anselm's Theory of the Atonement*, pp. 15 и далее) — все они опубликовали свои работы до выхода в свет книги *Christus Victor* — отрицают, что отцы церкви проповедовали, главным образом, классическое понимание. Теодор Диркс (*Reconciliation and Justification*, pp. 153 и далее; см. pp. 44 и далее) и Уильям Дж. Вольф — они опубликовали свои работы позже и демонстрируют знакомство с книгой *Christus Victor* — категорически не соглашаются с тезисом Аулена. Вольф пишет: «Идея *Christus Victor* Аулена — лишь одна из, наверное, четырех основных идей, которые в тот период пытались связать друг с другом спасение и искупление... Очевидно, что никакое из этих представлений невозможно выделить как „классическое понимание“. Аулен вводит нас в заблуждение, когда внушает нам мысль, что у классического понимания было вполне определенное содержание, и оно пользовалось широким признанием» (pp. 94, 102).

В основе классической теории Аулена лежит допущение, что она была господствующей в святоотеческий период. Аргумент, представленный в его обзоре Нового Завета, опирается на априорную вероятность того, «что, если классическая идея искупления господствовала на всем протяжении святоотеческого периода... то вполне вероятно, что классическое понимание окажется глубоко укорененным в апостольском христианстве. Совершенно невероятно, чтобы понимание искупления, которого не существовало в период апостолов, неожиданно появилось бы в ранней церкви и завоевало всеобщее признание» (р. 77 [61]). Однако это классическое понимание не господствовало в святоотеческий период, оно не завоевало всеобщее признание. Думаю, будет справедливо на основании аргумента, предложенного самим Ауленом, сделать вывод, что все дальнейшие выводы, к которым он приходит, вызывают большие сомнения.

Второй пример того, как Аулен прибегает к широким обобщениям, можно увидеть в его нападках на «латинское учение». Например, он утверждает: «Таким образом, вытекающее из латинской теории следствие, в соответствии с которым Божий труд искупления был прерван жертвой, принесенной Богу с человеческой стороны, радикально противоположен тому, что было самым центром лютеровской мысли — идее, что у человека нет иного способа прийти к Богу, за исключением того единственного способа, который предоставил Сам Бог, став человеком» (р. 121 [137]). Однако австралиец Джон Макинтайр в своей работе, написанной в защиту Ансельма Кентерберийского (который, по словам Аулена, первым разработал полноценный вариант латинской теории), утверждает: «Лейтмотив сочинения св. Ансельма — *sola gratia*, и только самое предвзятое и поверхностное осмысление его аргументации может привести к иному заключению... Для св. Ансельма искупление было излиянием божественной благодати, не заслуженной человеком и дарованной ему Богом в качестве величайшего дара в Иисусе Христе» (*St. Anselm and His Critics*, pp. 199, 203).

И Макинтайр (pp. 196 и далее), и Леонард Ходжсон утверждают, что книга *Christus Victor* проповедует докетическую христологию. Последний, профессор практического богословия из колледжа Сент-Эдмунд-Холл (Оксфордский университет) пишет: «Епископ Аулен поддается искушению, которое одолевает транзакционистов, соблазну настолько сильно подчеркивать божественность Искупителя, что человеческая природа Христа низ-

водится до пассивной — по существу, докетической роли... В результате он приходит... к докетической христологии» (*The Doctrine of the Atonement*, p. 147).

Третий пример того, как Аулен использует широкие обобщения, можно увидеть в его рассуждениях о Лютере, о котором он пишет, что реформатор «стоит в истории христианского учения особняком как человек, излагавший классическое понимание искупления с большей силой, чем кто-либо до него. С обочины латинской теории он возвращается на главную полосу движения, устанавливая прямую связь с учением Нового Завета и отцов. Поэтому его утверждение следует считать католическим в буквальном смысле слова. Однако он был одинок. Учение лютеранства стало чем-то совсем другим, нежели учение Лютера» (pp. 121 и далее [138]).

Аулен признает, что в целом до недавнего времени Лютера всегда считали сторонником «традиционного» понимания искупления, но утверждает, что, как сейчас выясняется, это было не так. Поэтому важно, что такие современные авторы, как Сидни Кэйв (*The Doctrine of the Work of Christ*, pp. 179-184), Филип Уотсон (*Let God Be God*, pp. 124 и далее) и Эдгар Карлсон (*The Reinterpretation of Luther*, pp. 178-180), которые поддерживают точку зрения Аулена на искупление, считают ошибочным мнение, будто Лютер проповедовал исключительно классическое понимание искупления. Гордон Рапп занимает позицию противоположную Аулену, с одобрением цитируя слова Эрнста Зайдена о том, что «ортодоксальное прочтение Лютера в XVII веке осталось непрерывной традицией веры, берущей начало в эпохе Реформации. При всей своей однобокости оно принципиально ближе к настоящему Лютеру, нежели весь модернистский „лютеровский ренессанс“ с его многогранной критикой источников» (*The Righteousness of God: Luther Studies*, p. 16).

Методология Аулена видна в обширной цитате из лютеровского толкования на Гал. 3:13, которую он приводит (pp. 105 и далее [121 и далее]). При цитировании он опускает те фрагменты текста, в которых о Христе говорится как о нашем Заместителе, вместо нас удовлетворяющем требования Отца. В соответствии с базовым принципом герменевтики, библейский отрывок следует толковать в контексте и в свете всей книги. Этот принцип столь же справедлив и необходим и при изучении сочинений Лютера.

Любой, кто хотя бы немного ознакомится с сочинениями Лютера, непременно увидит, что реформатор много рассуждает о битве и победе Христа. Но как именно, по мнению Лютера,

Христос победил? В 1539 году, в трактате «О соборах и церквях» Лютер отвечал на этот вопрос так:

Лютер желает добрых дел, но они не должны обладать славными, божественными свойствами (*idiomata*), чтобы приносить удовлетворение за грех, примирять Божий гнев и оправдывать грешников. Эти свойства (*idiomata*) принадлежат Иому, Тому, чье имя «Агнец Божий, берущий на Себя грехи мира». Воистину эти свойства (*idiomata*) следуют оставить крови и смерти Христа (V:231).

Папе... следует... вместе с нами придерживаться точки зрения, что даже добрые дела, совершенные в соответствии с Божьими заповедями, не могут способствовать праведности людей, изглаживанию грехов, обретению Божьей благодати, все это может сделать только вера во Христа, Который есть Царь праведности в нас, посредством Его драгоценной крови, смерти и воскресения, которыми Он изгладил наши грехи, принес удовлетворение, примирил Бога и искупил нас от смерти, гнева и ада (V:260).

Этот акцент присутствует и в его толковании на Гал. 3:13. Более того, он настолько бросается в глаза, что составители изложения ортодоксального лютеранского учения, известного как «Формула Согласия», в завершение объяснения оправдания советуют читателям искать «надлежащее объяснение этого глубокого и главного артикула» в «прекрасном и славном толковании д-ра Лютера на Послание св. Павла галатам» (Детальное изложение III:67).

Вторая характерная особенность методологии Аулена в книге *Christus Victor* — своеобразная библейская экзегеза. Он не рассматривает такие отрывки, как Мк. 10:45, Еф. 1:7 и 1 Пет. 1:18, с примечанием, что все они представляют собой вариации на тему битвы и победы Христа. Он заявляет, что Послание к евреям проповедует классическое понимание искупления, ссылаясь на стих 2:14 («...дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола...») и на то, что в послании жертва Христа описывается как жертвоприношение, совершенное Богом. Он игнорирует тот факт, что в стихе 2:14 эта мысль упомянута лишь вскользь, она не отражает основную идею книги. Тема же, которая явным образом раскрывается и развивается в послании, сформулирована в стихе 2:17: «Посему Он должен был во всем уподобиться братиям, чтобы быть милостивым и верным

первосвященником пред Богом, для умилостивления за грехи народа».

Весьма примечательно, что, рассматривая учение апостола Павла об искуплении, Аulen практически не упоминает, а если и упоминает, то мимоходом, оправдание верой. Точно так же он умалчивает об этом, рассматривая взгляды Лютера. Однако же он недвусмысленно утверждает, что Павел и Лютер отождествляли искупление и спасение (pp. 71, 119 [87, 135]).

Аulen четко называет одним из преимуществ классического понимания искупления то, что в соответствии с этим толкованием Бог преисходит, преодолевает, разбивает вдребезги порядок, основанный на правосудии и заслугах (pp. 71, 79, 113 [88, 96, 129]). Соответственно, стихи Рим. 3:24 и далее представляют для него проблему. Аulen признает решающее значение этого фрагмента, но утверждает, что сказанное апостолом не поддерживает латинское понимание искупления, поскольку в тексте отсутствует «мысль о том, что божественная справедливость должна была получить адекватное удовлетворение за провинности человека в виде платы, которую внес Христос от имени человека. Согласно этому учению, жертва приносится Богу со стороны человека, снизу; у Павла же искупление совершает сама божественная Любовь» (p.72 [88 и далее]). В сноске Аulen цитирует слова Вреде о том, что в данном отрывке ничто не расходится с основополагающим тезисом Павла о том, что «сама собственная Божья любовь, теперь, когда вражда закончилась, осуществляет искупление и устанавливает мир». Идея такова, что конец вражде между Богом и грешниками положило нечто иное, и что Свой искупительный труд Христос совершает уже потом с целью осуществить искупление и установить мир. Однако простой и очевидный смысл Рим. 3:24 и следующих стихов заключается в том, что примирение было достигнуто ценой умилостивительной жертвы Христа. Англиканские богословы Уильям Сэндэй и Артур Хедлам в своем толковании на Послание к римлянам прямо утверждают:

Из этого отрывка невозможно выкинуть двойную мысль (1) о жертвоприношении; (2) о жертвоприношении с целью умилостивления... Далее, если спросить, кто же выступает в роли умилостивляемого, возможен только один ответ, «Бог». Столь же невозможно отделить это умилостивление от смерти Сына. Даже если отвлечься от данного отрывка, нетрудно доказать, что идеи жертвоприношения и умилостивления лежат в основе не только Павлова, но и новозаветного учения

Густаф Аулен

в целом (*The International Critical Commentary: The Epistle to the Romans*, p. 91).

Как сильно это отличается от искупления путем победы! Этот принципиально важный текст не свидетельствует в пользу классического понимания искупления. Рассматривая учение Павла, Аулен утверждает, что апостол причислял закон к тиранам, которые держат человечество в рабстве (pp. 67 и далее [83 и далее]). Рагнар Лейвестад возражает, что закон ни в каком смысле нельзя поставить в один ряд с грехом и смертью. Павел с негодованием отказывается отождествлять закон с грехом (Рим. 7: 7). Безусловно, закон — это «сила греха» (1 Кор. 15:56), и «без закона грех мертв» (Рим. 7:8), однако греховность греха в полной мере раскрывается тем обстоятельством, что он способен умертвить человека с помощью того, что по сути своей добро (Рим. 7:13). Святость и праведность закона наиболее очевидны именно тогда, когда мы видим закон в роли «силы греха»... Считать закон изначально злой силой, ставить его в один ряд с грехом и сатаной — преувеличение. Даже в роли тирана закон остается отражением Божьей справедливости (*Christ the Conqueror: Ideas of Conflict and Victory in the New Testament*, pp. 153 и далее).

Некоторые утверждения в книге Лейвестада удручают, но ее основное содержание свидетель-

ствует о серьезности и тщательности исследований. Его выводы резко противоречат утверждениям Аулена. Труд Лейвестада не представляет собой ни рецензию, ни ответ на книгу *Christus Victor*. Однако, опираясь на тщательный анализ Писания, автор конкретно заявляет, что «такое „классическое понимание искупления“ ни в коем случае не преобладает в новозаветном мышлении вопреки тому, что утверждал в своем знаменитом исследовании Аулен» (р. 302, сноска).

К таким же выводам приходит и другой современный автор, английский методист Винсент Тейлор: «Идея победоносного сражения с враждебными силами... недавно обрела новую жизнь в сочинениях Г. Аулена и С. Кэйва. Каждая из этих теорий отражает лишь часть учения св. Павла, причем, как мы убедились, не согласованную с основными тезисами апостола, в результате чего принятие этих теорий в качестве основы современного толкования влечет за собой пренебрежение более существенной и важной частью его богословия» (*The Atonement in New Testament Teaching*, pp. 100 и далее).

Из всего вышесказанного (а к этому еще много чего можно было бы добавить) следует вывод, что методология, использованная Ауленом в книге *Christus Victor*, была взвешена и найдена легкой. Я также считаю, что богословие, нашедшее отражение в книге, ущербно. Один из ключевых тезисов мы рассмотрим более подробно. Он выглядит так:

Самое важное здесь — отчетливо понять, что этот спасительный и избавительный труд одновременно представляет собой труд искупления, примирения Бога с миром. Совершенно неправильно будет сказать, что торжество Христа над силами зла, посредством которого Он избавляет человека, — дело спасения, но не искупления, потому что эти две идеи разделять таким образом нельзя. Именно труд спасения, когда Христос разрушает власть зла, и составляет суть искупления между Богом и миром; ибо именно таким образом Он устраниет вражду, снимает осуждение, лежавшее на человечестве, и примиряет мир с Собой, не вменяя людям их преступлений (2 Кор. 5:18) (р. 71 [87]).

Вот ключевая фраза данной цитаты: «Именно труд спасения, когда Христос разрушает власть зла, и составляет суть искупления между Богом и миром...» Ключевая она потому, что ставит самый важный вопрос: «Зачем умер Христос?» «Традиционное» лютеранское учение и Аулен единодушно отвечают: для того, чтобы искупить человека. Но чем объяс-

няется потребность человека в искуплении? «Традиционное» лютеранское учение отвечает: «Тем, что он грешен и виновен, и ему предстоит встретиться со святым Богом». Аulen же отвечает: «Тем, что он, к несчастью, пал жертвой сил зла». Согласно «традиционной» точке зрения, искупление и примирение заключаются в том, что Христос умер как Заместитель человека, чтобы принести святому Богу удовлетворение за грехи человека. Аulen отвечает, что искупление и примирение заключаются в другом: Христос умер, чтобы одержать верх над силами зла. «Традиционная» точка зрения утверждает, что нет никакой другой победы над силами зла, кроме удовлетворения за грехи человека, принесенного Христом, и что это удовлетворение есть победа. Аulen отвечает, что никакого удовлетворения за грех не требуется, и что победа над силами зла есть искупление: «Именно труд спасения, когда Христос разрушает власть зла, и составляет суть искупления между Богом и миром...»

Неужели? Писание утверждает иное. В той же 5-й главе 2-го Послания коринфянам, на которую ссылается Аulen, есть стих 21. В этом библейском тексте объясняется, каким образом Бог осуществил искупление и примирение (т. е. в чем заключается их суть). И вот как выглядит это текст: «Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом». Наш Заместитель, Христос, взял на Себя наши грехи, чтобы Бог мог признать нас праведными. Именно поэтому Бог примирился с миром и не вменяет людям их преступления.

Даже анализ этимологии приводит к такому выводу. Герман Кремер пишет:

Каталлάσσειν обозначает новозаветный божественный и спасительный акт ἀπολύτρωσίς, поскольку Сам Бог, приняв на Себя вину и совершив искупление, установил с человечеством мирные взаимоотношения, чьему прежде препятствовали требования Его справедливости... На практике оно включает в себя (хотя и не в самом себе и для себя) понятие ἵλασκεσθαι («искупить, загладить») и описывает примирение, достигнутое путем искупления... Если ἵλασκεσθαι нацелено на отвращение Божьего гнева, то каталлάσσειн подразумевает, что Бог уже отложил или отвратил гнев... В каталлάσσειн акцент сделан на истину о том, что Бог находится в противостоянии с человечеством как ἀντίδικος и тем не менее установил с ним мирные взаимоотношения. В роли субъекта ἵλασκεσθαι выступает не Бог как ἀντίδικος

по отношению к человеку, но человек, представленный в лице Христа, Бог, который во Христе олицетворяет мир... Каталлάσσειν означает снятие требований Божьей справедливости; ἵλασκεσθαι — удовлетворение этих требований, вследствие чего они могут быть сняты (pp. 92 и далее)⁴.

Заблуждение Аулена заключается не в утверждении, что Писание делает сильный акцент на победе Христа над силами зла и на победе, которую верующий обретает во Христе. Его заблуждение — в утверждении, что в этом и заключается дело искупления. Писание не говорит, что Христос искупил нас посредством одной лишь безоговорочной победы над силами зла. Писание говорит, что Христос искупил нас, взяв на Себя вину за наши грехи и умерев за нас, принял на Себя гнев Божьей святости, направленный против греха. Проблема заключалась не в том, что сатана мог занять место Бога как Всевышнего. Проблемой был грех. Именно проблему греха и решил Христос, когда Своей безгрешной жизнью совершенным образом исполнил вместо нас Божий закон и когда Своей смертью заплатил за наши грехи, наказание за которые — смерть. Поэтому, когда грешник верой соединяется с Христом, святой Бог не видит в нем ничего достойного наказания, у сатаны нет оснований его обвинять, а у смерти уже нет над ним власти. Лютер действительно ставит Божий закон и Божий гнев в один ряд с грехом, смертью и сатаной, называя их врагами, от которых Христос избавляет человечество. Они действительно враги, но не потому, что по сути своей подобны греху, смерти и сатане (какая чудовищная мысль!), а в силу внешнего обстоятельства, греховности человека. Поэтому Христос побеждает всех перечисленных врагов тем, как Он решает проблему человеческого греха.

Искупление — это искупительная смерть Христа. Любое объяснение искупления, которое не подчеркивает того факта, что Христос Своей смертью искупил наши грехи, нельзя считать полноценным учением об искуплении. На вопрос «Зачем умер Христос?» существует четыре основных ответа:

- чтобы искупить грехи людей;
- чтобы победить силы зла, поработившие людей;
- чтобы явить беспримерную любовь Бога;
- чтобы призвать людей к покаянию и вдохновить их на достойную жизнь.

Все эти ответы есть в Писании. Но любой из них в отдельности неполон. Грех — не просто

злая сила, которую нужно победить, потому что грех делает человека виновным перед Богом. Пока эта вина не искуплена, победа над силами зла не имеет реального значения. Грешникам нужна не только демонстрация Божьей любви, им необходимо избавление от греховной вины. Полноценное изложение учения об искуплении включает в себя все эти ответы. Но главной и основополагающей остается истина о том, что Христос умер, чтобы искупить наши грехи.

Ключевой текст об искуплении — 1 Ин. 4:10: «В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилостивление за грехи наши». По этой причине пришел Христос. Благодаря тому, что Он принес жертву умилостивления за наши грехи, Бог ради Него прощает грехи. Это обещание содержится как в Евангелии, так и в Таинстве Причастия: «Ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26:28). Очень глубокий смысл есть и в словах отпуста, которые используются в лютеранском сборнике гимнов и обращены к причастникам, преклонившим колени у алтарной решетки: «Наш распятый и воскресший Господь Иисус Христос, ныне даровавший тебе Свои святые Тело и Кровь, посредством которых Он совершил полное удовлетворение за все твои грехи, да укрепит и сохранит тебя в истинной вере для жизни вечной». И кровь также напоминает нам о том, что происходит на небесах: «Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца» (Откр. 7:14). «Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего, и не возлюбили души своей даже до смерти» (Откр. 12:11).

Безусловно, искупление означает и победу, на что указывают только что процитированные тексты. Вместе с Павлом мы восклицаем: «Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!» Учитывая, что тема победы действительно оказалась в забвении, будем благодарны Аулену за то, что он вновь привлек к ней внимание. В наше время, когда «просвещенные» люди считают сатану плодом воображения, будем благодарны Аулену за то, что он напомнил нам об этой ужасной реальности. Будем признательны и за то, что он знает о победе Христа над сатаной и злыми си-

лами и говорит о ней. Однако вести о победе не следует отводить преувеличенное, недолжное место в учении об искуплении. Главное в этом учении заключается в том, что Христос как наш Заместитель принял на Себя вину и наказание, связанные с нашими грехами, и Своей смертью вернул нам благорасположение Бога. Так выглядит учение о заместительном искуплении, о заместительном удовлетворении. Именно это, а не «классическое» понимание лежит в основе подлинной христианской веры. Христианство без него невозможно.

Примечания

1. Цифры в скобках относятся к изданию 1945 года.
2. См. также Aulen, Gustaf. *The Faith of the Christian Church* (Philadelphia: The Muhlenberg Press, 1948), pp. 223 ff.
3. Леандер Кейзер дает такое определение: «Факты указывают на то, что лютеранское учение заключается в следующем: во-первых, что Христос приобрел для нас праведность Своим активным исполнением закона, исполнением как его буквы, так и духа, и это совершенное послушание есть праведность, которая вменяется нам, когда мы принимаем ее верой; во-вторых, своими страданиями и смертью, т. е. Своим пассивным послушанием, Он понес на Себе вместо нас наказание за наши преступления и таким образом исполнил и удовлетворил закон вечной справедливости, нарушенный человеческими грехами; в-третьих, весь благодатный план искупления берет начало в отеческой любви Бога и был осуществлен в нужное время обаятельной силой Его любви. Христос искупил грех не для того, чтобы стяжать для нас Божью любовь, потому что именно божественная любовь послала единородного Сына в мир и поддерживала Его в искупительном труде; но искупление должно было сохранить целостность нравственной вселенной Бога, основанной на абсолютной праведности, и тем самым предотвратить антиномию между божественными любовью и справедливостью» (pp. 28, 29).
4. Прекрасный анализ этого и других терминов, связанных со спасением, есть в работе Morris, Leon. *The Apostolic Preaching of the Cross* (Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1955).

Оригинальный текст статьи был опубликован в журнале *Concordia Theological Monthly* за октябрь 1957 года. Все права сохранены.

Руководитель проекта Павел Столяров
Редактор, переводчик Дмитрий Розет

Почта: 191186, Россия, СПб., а/я 100
Веб-страница: www.apologetika.ru
E-mail: Russia@apologetika.ru